

A movie poster for the Russian film 'Krysinaya Okhota' (The Mouse Hunt). The central image shows a man in a hospital gown, blindfolded and tied to a bed with ropes. He has a shocked expression. A woman in a grey hoodie is filming him with a smartphone, while a man in a dark hoodie points towards him. A white banner with red, hand-painted Cyrillic text 'МСТИТЕЛИ' (The Avengers) is draped across the top. The background is a room with a framed painting on the wall.

МСТИТЕЛИ

**КРЫСИНАЯ
ОХОТА**

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

[суду совести присяжные не нужны]

Мстители

Кирилл Казанцев

Крысиная охота

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Крысиная охота / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Мстители)

Чиновники небольшого города Яроволье придумали для себя новое развлечение. Раз в неделю они выезжают в отдаленное лесничество на охоту. Готовят ружья, набивают патронташи под завязку, определяют места засад. Словом, все по законам егерского искусства. Да вот только вовсе не дичь их интересует. Чиновники охотятся на живых людей. А поставляет их на убой начальник местной полиции генерал-майор Олейник. В этот раз главной целью охотников будет Никита Россохин, тот самый мститель, который все-таки угодил в лапы местной коррумпированной полиции. Надо ли говорить, с каким неудержимым азартом готовятся чиновники к убийству своего заклятого врага, посмевшего предать огласке все их пороки! Но они явно недооценили ум, хитрость и смелость молодого человека. С самого начала охота пошла по совершенно непредсказуемому сценарию...

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Кирилл Казанцев

Крысиная охота

*Нет зверя свирепее человека, совмещающего в себе дурные страсти
и власть.*
Плутарх

Тишина царила в доме. Лишь секундные стрелки настенных часов с отрывистым шелестом меняли позиции на циферблате. Толстые стены хранили обитателей особняка от порывов ветра и настырного дождя, молотящего по черепице. Боковое окно на галерее было задернуто не полностью – в разрывах туч, осадивших небо, мелькнула луна. Мерклый свет прокрался сквозь прореху в шторах, вырвал из мрака вычурный узор паркета, перила из лакированного дуба, монументальные ступени, сбегające в холл. Озарилась картина над лестницей: абстрактная мазня, буйство красок, обитатели дома никогда в нее не всматривались. Набежавшая туча заслонила луну, и снова в замкнутом пространстве дорогого коттеджа воцарилась темень.

Скрипнула дверь в глубине второго этажа, послышались кряхтение, шаркающие шаги. На галерею выбралось тело – в халате, в уютных домашних тапках. Мужчина был приземист, нехватку роста компенсировали поперечные размеры. Он остановился, взявшись за ограждение галереи, прислушался. За спиной было тихо, жена не слышала, как он поднялся среди ночи с постыдным намерением прокрасться на кухню и чего-нибудь съесть. А кабы услышала – такой бы вопль подняла. Он запахнул халат и начал двигаться к объекту ночной охоты. Упитанное тело сопя спускалось со ступенек. Почему жизнь так несправедливо складывается? Он – незаменимый в регионе человек, вершитель судеб, инициатор важных процессов в экономической и политической жизни. А в быту находится в полной зависимости от страдающей избыточным весом супруги. Почему большой начальник не может просто поесть? Она вечно твердит: «Анатолий, отойди от холодильника! Ты не должен так много есть! У тебя проблемы с сердцем! Посмотри на себя, разве можно оказывать на него такую нагрузку?» На себя бы лучше посмотрела, уродина! Не жизнь, а реалити-шоу «В постели с крокодилом». Всю жизнь отравила! Вцепилась клещами, висит на шее, как стетоскоп у доктора Румянцева, которым она его постоянно страшит, да еще и командует на каждом шагу. Поставит руки в боки, взор ястребиный, грудь огромная колесом, хоть не смотри. Он частенько задумывался, а если ей грудь проколоть, улетит со свистом? Он спустился с лестницы, перевел дыхание и ехидно хихикнул, представив, как супруга, быстро сдуваясь, уносится, вращаясь, колотясь о стены. «Дорогой, когда ты бросишь эту каку? – ревниво вопрошал на последнем свидании молодой любовник. – Неужели она в постели лучше, чем я? Ну, признайся, милый, как она в постели?» Как, как?! Пока помещается. Что будет через год, неизвестно...

Отдышавшись, он засеменил в южную часть огромного дома. Там находилась кухня. Расстояния, как в тайге, пока доберешься до нужного агрегата, семь потов сойдет. Даже здесь, на первом этаже, он боялся включать свет. Запугала, тварь. Он столкнулся со стулом, кто-то выставил на проход, и почувствовал, как его обуял страх, дыхание перехватило. Вот же черт, что происходит? Темень оплетала со всех сторон, она сжималась вокруг мужчины, давила. Неясные тени сновали по кухне, вихрились. Казалось, кто-то смотрит на него. Может, зря он затеял столь рискованное путешествие с этажа на этаж? В конечном счете благоверная права – ночные трапезы не всегда благотворно влияют на организм. Как и алкоголь – не всегда полезен. Но это нонсенс! В доме никого, кроме хозяина и храпящей наверху хозяйки, это факт. Мгла сгущалась. Он всматривался в пространство. Показались контуры огромного импортного холодильника. Он на цыпочках приблизился к нему. Потекли слюнки, призывно заурчал желудок. Сейчас его, кажется, покормят. Бедные чиновники Российского государства, почему они всегда недоедают? Приложив усилие, он распахнул обе двери в «Сезам» и тоскливо уставился

на скудное содержимое агрегата. Кто отпустил домработницу в краткосрочный отпуск? Почему ему не доложили? В огромном пространстве лежали лишь жалкие овощные наборы, брокколи, пекинская капуста, которую он на дух не выносит, галерея баночек с ненавистным кефиром, изобилующим тошнотворными бактериями. Не еда, атипичные элементы питания. Он рылся в упаковках, пытаясь от возмущения. Все несъедобное и надоевшее. Наткнулся на фарш из австралийского мраморного мяса. Поразмыслил, что делать: съесть в сыром виде, пожарить котлеты на скорую руку? Отличное сбалансированное питание. Мысль о том, что второй жизни не будет и рано или поздно придется убить жену, уже не казалась чересчур смелой. Он уже подмерзал перед открытым холодильником – холод оттуда исходил нешуточный. Да и за окном не жаркий июль – сентябрь уже кончается. Ладно, нынче понедельник, пообедать он сможет в ресторане напротив администрации, а вот сейчас...

Он потянулся к вакуумной упаковке, в которой разглядел что-то подозрительно красное, предположительно мясо. Упаковка лежала в глубине на нижней полке, пришлось с головой погрузиться в холодильник и вытянуть руку. И вдруг он с ужасом почувствовал, как сзади в него что-то уперлось, замкнулись тяжелые двери, защемив шею. Мужчина задергался, захрипел. Двери сдавили жировой участок, условно именуемый шеей, перехватило дыхание, искры сыпались из глаз. На какое-то мгновение двери приоткрыли, дышать стало легче. Но он не мог отойти от холодильника – держали сзади. Не успел мужчина перевести дыхание, собраться с мыслями, как сила за спиной активизировалась, его втокнули в холодильную камеру. Что за бред! Проблем не возникло, места в холодильнике хватало. Он уперся во что-то макушкой, поволок его вверх. Под ним трещали и ломались решетчатые полки, продавил одну, за ней другую. Корежились лотки, лопались хрупкие конструкции, содержимое полок сыпалось и давилось. Мужчина стряхивал с себя продукты и не верил, что это происходит в реальности. Быть может, это сон? Он начал дергаться, чтобы выбраться обратно, но тут его схватили за ноги, сложили вдвое, придавили к туловищу. Пронзила острая боль, невозможно было находиться в вывернутом положении. Чиновник задыхался, собрался закричать, но в горле будто вырос противотанковый еж, он только и сподобился что-то проблеять. И снова на него нажали, захлопнулись двери, и в холодильнике погас свет.

Почему он погас?! Боже правый, что происходит? Он завыл от ужаса, затем сделал попытку выдавить дверь – пришлось извернуться, что-то доломать. Но дверь держалась, ее придавили снаружи. На голову что-то потекло – побились яйца, лицо и макушку облепила вязкая субстанция с огрызками скорлупы. Эмоции переполняли. Он навалился на дверь, наплевав на боль, но та и не думала открываться!

– Розочка, любовь моя, ты что затеяла? – заскулил он. – Зачем ты это делаешь? Я хотел всего лишь молочка попить...

Но здравая мысль промелькнула в голове, что супруга у него, конечно, дама бескомпромиссная, но руки не распускает, предпочитает жечь сердце глаголом. Да и не будет она гробить технику ценой в четверть миллиона. Он перестал возиться и скулить, заставил себя замереть и прислушаться. Глухо, как в танке. Но нет, снаружи что-то скрипнуло, донеслось глухое покашливание.

– Анатолий Феоктистович собрался покушать, не наедается, – сообщил мужчина.

– Безобразие, – согласилась женщина. – В такое сложное для страны время... Поставим на максимальную заморозку, дорогой?

– Не получится, – подумав, возразил мужчина. – В морозилку он не влезет, а в холодильной камере температура почти курортная. Впрочем, можно подождать, пусть освежится, голову включит.

Голоса были незнакомые. И тут до чиновника стало доходить, что яйца на голове и скрюченная поза – еще не самое страшное в создавшемся положении. Холод закрадывался в организм и уже потряхивал. Изморозь ползла по коже. Ау него ведь под халатом только трусы

и золотой нательный крестик, призванный беречь от неприятностей. Зубы стучали, дрожали конечности, кожа становилась гусиной.

– Что вы делаете, негодники? – захрипел он. – Откройте немедленно...

– Странный человек, – после паузы сказала женщина. – Он хочет, чтобы ему открыли. И не доходит, что если мы это сделаем, то станет совсем невестомогу. Удовлетворим желание человека? Раз уж он выбрал такую нелегкую судьбу.

«Не надо, я потерплю!» – мысленно ахнул затворник в холодильной установке, и какое-то время действительно ничего не происходило. Он превращался в ледышку, снаружи ничего не доносилось. Мужчина свернулся в позу эмбриона, холодные слезы покатались из глаз, он снова тоскливо завыл. Текли минуты... Неожиданно распахнулись двери, и на чиновника наехала черная маска с прорезями для глаз. Это было все, что он успел запомнить. Его схватили за ногу, за грудки, выволокли наружу. Сатанинская сила вознесла его в воздух, куда-то понесла, завертела. Стальной обруч сдавил горло – не продохнуть. Он махал руками, но ни в кого не попадал. После подъема-переворота Анатолий Феоктистович шлепнулся спиной на конфорки электрической плиты. Жуткая боль пронзила в позвоночнике, его придавили к плите. А рядом кто-то мурлыкал, включая на полную мощность конфорки. Плиты нового поколения, в отличие от старых, жарят мгновенно. Не успел он опомниться, как почувствовал жжение через халат. Мужчина задергался, как пескарь на сковороде.

– Терпите, Анатолий Феоктистович, терпите... – кряхтел мужчина, ему прекрасно удавалось работать многотонным прессом. – Сейчас мы вам баночки поставим, после охлаждения организма, уверяю вас, самое верное средство, чтобы не слечь с простудой.

Он бился затылком о соседствующую с плитой разделочную тумбу, искры сыпались из глаз. Уже расползался халат, обугливалась кожа, пахло горелым...

– Яичница с беконом? – со скепсисом прокомментировал приятный женский голос. – Ты уверен, дорогой, что мы это будем есть?

– Не знаю, как насчет есть... – кряхтел мужчина, – но приготовить это блюдо мы обязаны.

– Обрати внимание, у него глаза смотрят друг на друга – это очень редкое биологическое явление. Подумай еще раз – нам нужна глазунья?

Чиновник жалобно мычал, глаза вываливались из орбит. Он не замечал, что в лицо светит фонарь и где-то рядом работает видеокамера.

– Эх, мужчина, вам не угодишь, – посетовал злоумышленник. – Вам то холодно, то жарко.

Затем Анатолия Феоктистовича скинули с плиты на кафельный пол. Боль от раскаленных конфорок сменилась болью в суставах. Когда вернулся дар речи, он заерзал, собрался закричать, но ночной гость уже свалился перед ним на колени, стальные пальцы впились под кожу.

– Нет, Анатолий Феоктистович, так дело не пойдет, так мы эту корову не продадим...

Заскрипела лента скотча, и вскоре измученный чиновник не мог даже шамкать губами.

– Жалко, конечно, что мы лишаем себя обратной связи с государственным аппаратом, но что делать. Своими призывными воплями вы разбудите дражайшую Розу Викторовну, а нам бы не хотелось доставлять неприятности единственному человеку, который может вас построить. Поэтому давайте уgomонимся, хорошо? Это и в ваших, и в наших интересах. И не вздумайте сбегать, сучить ногами и все такое. Мы вам их живо переломаем.

Две тени с яйцеобразными головами нависли над чиновником. Он сжался в комок, шумно дышал, затравленно шарил глазами, щурясь от яркого света. Что-то подсказывало потрясенному сознанию, что это не инопланетяне. Потерпевший плохо выглядел – взъерошенный, с опухшим лицом, он судорожно пытался запахнуть халат. И правильно делал – гладкие, изобилующие жировыми складками ноги не могли произвести благоприятное впечатление на будущих зрителей снимаемого видео.

– У вас такой вид, Анатолий Феоктистович, словно вы тепловоз от снега откапывали, – посочувствовал мужчина. – Можете, кстати, не волноваться, у вас здоровое сердце, ваша

супруга напрасно тревожится – риск заполучить инфаркт в вашем состоянии ничтожно мал. Хотя кое в чем Роза Викторовна права, вам не мешает заняться спортом и последить за фигурой, здоровенький вы наш. Итак, Анатолий Феоктистович, вот мы и собрались. И что теперь прикажете делать с вами?

– Расстреляем на месте с присвоением имущества? – предложила спутница. – В доме хватит на несколько жизней. И не только нам. А можно мило поговорить, а потом предложить ему сделать себе...

– Хачапури, – усмехнулся мужчина. – Оба предложения, дорогая, имеют право на существование, и мы обязательно их обдумаем. А пока... – он покосился на помощницу, та смотрела в цифровой видискатель, что не мешало ей контролировать обстановку и вставлять ехидные замечания. – Итак, мы переехали к новому месту работы и очень надеемся, что в обозримом будущем вновь порадуем наших почитателей зарисовками из жизни наших разлюбезных слуг...

Тело беспокойно завозилось и замычало.

– Вы спрашиваете, кто мы такие, Анатолий Феоктистович? А вы еще не догадались? Так думайте же скорее. Мы – страшный сон любого вороватого столоначальника бескрайнего государства – правопреемника Советского Союза. Вы же в курсе, у всех Интернет. Признайтесь, хоть раз вам снился сон, который нынче обернулся явью?

Судя по глазам и побелевшей коже, подобные сны у чиновника были не редкостью.

– Да, с событий в южном городе Кабаркуле прошло всего полтора месяца. Но мы привыкли работать по-стахановски. Кто-то сутками крутит баранку, чтобы заработать лишнюю копейку, кто-то ворует с такой интенсивностью, словно жить осталось неделю. Почему мы должны отдыхать в такое сумасшедшее время? И не питайте иллюзий, Анатолий Феоктистович, перед вами не начинающие последователи и имитаторы, а именно те, что вам снились. Это было лирическое отступление. А теперь мы представляем нашего нового героя. Козякин Анатолий Феоктистович, не столь харизматичный, как губернатор, но весьма влиятельный руководитель регионального министерства промышленности, торговли и развития предпринимательства. Господин министр, так сказать. Двоюродный брат господина губернатора.

– Двоюродивый, – поправила женщина.

– Можно и так, – согласился мужчина, подался к скрюченному телу и принюхался. – Вы в курсе, Анатолий Феоктистович, что от вас пахнет не персиками?

– Нормальная положительная реакция, – пробормотала сообщница.

Чиновник исторг какой-то непонятный звук и замахал ногами, бледная физиономия заблестела от пота. Он быстро выдохся, уронил ноги, начал жалобно скулить.

– Дзюдоизм принял? – удивилась женщина.

Мужчина засмеялся.

– Лежите спокойно, господин министр, а спортом займетесь после того, как мы закончим. Ну, если удастся, конечно. Должен сообщить аудитории, что мы находимся в славном городе Яроволье, центре одноименной губернии, расположенной в шестистах километрах к востоку от столицы нашей Родины. Средняя полоса России, замечательный, без иронии, город, население восемьсот тысяч, составная часть исторического «Золотого кольца». Город металлургов, оружейников, кондитеров, а в последние годы становится еще и центром автомобилестроения, поскольку именно Яроволье выбрали для сборок своей продукции несколько ведущих мировых производителей. В городе проживают замечательные гостеприимные люди, здесь много высших учебных заведений, кующих кадры для отраслей народного хозяйства. Внешне все прекрасно – достижения, свершения, возводятся новые торговые центры, сдаются тысячи квадратных метров жилья. Бесперебойно работает банковская система. Область и руководство на хорошем счету в Москве, сюда поступают немалые деньги, здесь приличный инвестиционный климат. Протестное движение слабое – что, впрочем, говорит не о возросшем

гражданском сознании, а о хорошей работе избирательных комиссий и органов, отвечающих за противодействие экстремизму. Проблемы в области имеются, самой важной я бы назвал следующую: все руководство города и области – хорошо организованный преступный клан, прочно вросший в экономику, политику, сельское хозяйство и в обыденную жизнь простых граждан. Ежегодно из экономики Яроволья выкачиваются миллионы долларов и поступают на заграничные счета членов шайки. В чиновничьих кабинетах процветают взяточничество и казнокрадство. На неугодных заводят уголовные дела, прячут за решетку, при этом суд, прокуратура и доблестная полиция выступают единым дружным кулаком. Наиболее неудобные – ликвидируются. Болезни, аварии, несчастные случаи – этим активно занимается специальный полицейский отдел, созданный и функционирующий под личным контролем начальника ГУВД генерал-майора Олейника. Но что мы о других, Анатолий Феоктистович? До генерала Олейника и прочих видных горожан мы еще доберемся, но начнем, извините, с вас. Не входя непосредственно в клан, вы являетесь главным проводником линии местной власти, поддерживаете с правящей верхушкой тесные отношения и являетесь доверенным лицом губернатора, демонстрируя Василию Ивановичу поистине щенячью преданность. Ваш главный конкурент на данном поприще – региональный министр финансов и налоговой политики Бурченко – вашими молитвами устранился еще полгода назад. Сердце не выдержало, чему имеется соответствующая видеозапись, из которой явствует, что вы заплатили заведующему кардиохирургического отделения 1-й городской больницы 48 тысяч долларов. Тайна не за семью печатями, но господин Бурченко не только вам доставлял хлопоты, так что все в порядке. Областное министерство финансов в надежных руках. Выделения денег под контролем. Случай исключительный, раньше вы старались обходиться без мокрухи. Однако потрясает ваше умение красть всегда и везде, Анатолий Феоктистович. О большинстве ваших жульнических операций даже начальство не в курсе. В вашу бытность первым заместителем руководителя регионального управления Роспотребнадзора вас пытались обвинить в получении взятки в крупном размере. Вы выкрутились, но факт имел место. Три года вы получали на банковские счета взятки от руководителей гос. учреждений под видом оплаты работ по совместительству. За взятку в триста тысяч вы предоставили Центру гигиены и эпидемиологии право выдавать платные санитарно-эпидемиологические заключения. СНИИ «Здоровье» вы заключили незаконный контракт, по которому институт получил право проводить платные исследовательские работы по вопросам санитарно-эпидемиологического благополучия населения. На эти деньги вы сделали себе первоначальный капитал, верно? В 2010 году ваше министерство заключило контракт с руководством фирмы «Доравтострой». Фирма обязалась отремонтировать и построить несколько дорог, в том числе кусок федеральной трассы. Необходимость в нормальных дорогах была вопиющей. Но жадность, как всегда, победила. Общая сумма контрактов составила более 600 миллионов рублей. Вы с подельниками решили сэкономить, используя дешевые материалы, старую технику, неверные технологии и грубые отступления от проектно-сметной документации. Руководству фирмы это не нравилось, но вы в банде были главный. Построенные дороги смотрятся жалко, трещат, разрушаются, их уже нужно ремонтировать заново. Бюджету нанесен ущерб в размере не менее 200 миллионов. Вы внушили директору фирмы дать взятку заместителю начальника отдела дорожной инспекции и организации дорожного движения УГИБДД Старостину в виде новенького автомобиля «Ситроен» – за подписание акта приемки нескольких участков дорог. Не глядя, так сказать. Но с этим без проблем, от взяток господин Старостин еще никогда не отказывался. На вас еще шапка не горит, Анатолий Феоктистович? Философия вам подобных ясна: денег в России всем чиновникам хватит, еще немного и на государственные нужды останется. За каждую работу вы требуете откат с подрядных организаций: реконструкция автовокзала – полтора миллиона, строительство торгового центра на Бурьяновской – два с половиной, появление на областном рынке известного йогуртового бренда – четыре. Центральный рынок находится под вашим неустанным патронажем: еже-

месячно вам капает не меньше миллиона, и ручеек стабилен, ведь никто не хочет потерять свое рабочее место. Хваленая областная промышленность работает со скрипом, задавленная налогами и поборами, директора вынуждены отказываться от премий и снижать зарплату сотрудникам, чтобы как-то выжить. Вспомним недавний визит национального лидера на местный трубопрокатный завод. «Получаете много?» – отечески поинтересовался президент у рядового станочника широкого профиля. «Пятьдесят тысяч», – с глупой улыбкой отвечает станочник. «Ничего себе», – впечатлился национальный лидер. Реальная зарплата за текущий месяц у станочника Сурикова составила двенадцать тысяч семьсот «грязными», но разве можно такое сказать президенту? Зато соседний металлургический завод продан осетинским товарищам, причем товарищи месяц осаждали ваш кабинет, а когда удалились в последний раз, сумка в их руках полегчала, а на физиономиях цвели блаженные улыбочки. Вы поддерживаете предпринимательство в области, как никто другой. Коммерсанты устали ходить к вам с подношениями. Берете даже телевизорами – скажите на милость, зачем вам столько телевизоров? Вы их все равно не смотрите. Подвал вашего загородного дома на Волынке (да, да, не удивляйтесь, у вас имеется еще один загородный дом) забит под завязку бытовой техникой. И ЧП Волынцева закрыли под надуманным предлогом, так как оно отказалось платить вашим представителям Рязанову и Владимирскому. Предприниматель решил обратиться в суд, но судья Артищева посмотрела на него, как на сумасшедшего. Затем решил пойти в прокуратуру, и в тот же день сгорел гараж с его машиной. Вы устроили невыносимую жизнь строительной организации ЗАО «Энергомонтаж», успешно возводящей бюджетные дома – за отказ возвести вам поместье в живописном уголке на Белой речке – в качестве дополнительной платы в «бюджет области». Теперь предприятие на грани банкротства, директор Осипенко слег с сердечным приступом, и неизвестно, выкарабкается ли...

«Мститель» пристально воззрится на пыхтящего под ногами человека. А тот съежился. Возразить было нечего.

– Не забывая про себя, вы четко выполняете генеральную линию областного «смотрящего» Василия Ивановича Морозова: отнять деньги у богатых и раздать очень богатым. Видно, с целью уменьшения пропасти между богатыми и бедными. Член Законодательного собрания Конюшный Илья Петрович собрал на вас пикантные материалы и обратился с ними в прокуратуру. Нормальный оказался человек, хотя и депутат. Такого «двурушничества» коллеги не потерпели. Практически единогласно, «за клевету и недостойное поведение» народного избранника лишили мандата. А также порадовали уголовным делом – за превышение должностных полномочий и злоупотребление служебным положением. Бывший депутат сидит под подпиской о невыезде и сожалеет о содеянном... Вы очень рады, господин министр, что вам посчастливилось жить и работать на шестой части суши, которая плохо лежит. Здесь столько еще всего не украденного. В другой стране вам пришлось бы сложнее. Но мы явились положить конец вашей деструктивной деятельности. И знаете... – злоумышленник помедлил, голос его зазвучал доверительнее, – на совете племени мы решили, что меры, принимаемые в отношении вам подобных, явно недостаточны. Довольно, натерпелись. От таких, как вы, Анатолий Феоктистович, нужно избавляться решительно и бескомпромиссно – дабы другим неповадно было.

В руке злоумышленника появился пистолет, ствол вдавился в чиновничий лоб, и тот заерзал, испуская упругие волны страха.

– Он хочет что-то сказать, – флегматично заметила женщина.

– А мне не интересно, – фыркнул мужчина, взводя курок. – Хватит с ними нянчиться, дорогая, они того не заслуживают. Им можно злодействовать, а нам нельзя? Завтра беседа с господином Козякиным попадет в Интернет, и его хладный труп, кстати, тоже. Вот тут-то фигуранты и задумаются. Или ты надеешься, что мы еще не заработали на пожизненное?

– Мне без разницы, дорогой. Что бы там ни говорили, что убивать нельзя даже плохих людей, это вопрос дискуссионный. И про торжество закона лучше забыть. Но, может, дадим ему напоследок сказать слово? Посмотри, он уже на мостик встает. Ну, хотя бы из любопытства.

– Ну, хорошо, – подумав, согласился мужчина. – Вам предоставляется последнее слово, господин министр. Сейчас я сниму с вас скотч, но если вы будете кричать, не забывайте про пулю, она уже на выходе. И толку от ваших криков? Поднять вы сможете только жену, но, думаю, мы с ней договоримся.

Послышался резкий звук снимаемого скотча, и слюна полилась по губам и трем подбородкам.

– Не убивайте, бога ради, не убивайте... – забубнил чиновник. – Я сделаю все, что хотите, только не убивайте...

– Все, что хотим? – задумался мужчина. Опомнился, качнул головой: – Нет, Анатолий Феоктистович, решение принято.

– Не убивайте, заклинаю... – чиновник заплакал, как дитя. – Я сделаю все...

– Так вот она какая, золотая рыбка, – пробормотала женщина.

– А также цветик-семицветик и старик Хоттабыч, – усмехнулся поделщик. – Ну, допустим, из чисто спортивного интереса. Вы разжалобили наши черствые сердца, Анатолий Феоктистович. Как насчет традиционных трех желаний? Выполняете беспрекословно, и мера наказания теряет приставку «высшая». Согласны?

– Да... да... – мямлил чиновник.

– Дорогая, подай, пожалуйста, радиотелефон, он стоит на обеденном столе. Спасибо. Итак, господин министр, до нас дошли сведения о вашей нетрадиционной ориентации, которую вы всячески скрываете. Это бывает, во второй половине жизни человек прозревает и переоснащается. К черту этих баб, от них одни дети, верно? С нашей стороны было бы неправильно позорить вас и выставять напоказ. Человек имеет право тыкать свои атрибуты, куда ему вздумается, но только не в малолетних и исключительно по согласию. И чтобы никакой пропаганды – в данном случае мы согласны с властями. Но ваш случай отягощен инцидентом. Ваш дружок – смазливый студент академии госслужбы Перевязов Александр, к которому вы воспылали прямо-таки нечеловеческой страстью. В один из вечеров, посвященных любовным утехам в арендованной квартире на окраине города, куда вы прибыли без охраны, вас случайно застучала девушка на лестничной площадке. Тоже студентка – из академии водного транспорта. Стыд и срам. Возможно, она не знала вас в лицо – подумаешь, парочка голубых слилась в трогательном прощании. Разве знают простые граждане всех государственных воров? Но вы занервничали, раздали инструкции своим клеветам. Наутро девушка до места учебы не дошла. Ее подкараулили в подворотне и жестоко избили, проломив череп, пострадавшая в коме. Если очнется, вряд ли что-то вспомнит. Так что ваша пагубная страсть – дело уже не личное, а общественное. Сейчас вы позвоните своему ненаглядному и решительно заявите, что между вами все кончено. Вы нашли другого. А будут попытки продолжить отношения – не забывайте, Анатолий Феоктистович, за вами непрерывно наблюдают. Звоните – ваш голос не должен дрожать.

Камера снимала, как подобие человека набирает номер, дожидается, пока в трубке отзвучат, и худо-бедно справляется с поставленной задачей. Александр рвал и метал, обливался горячими слезами, умолял назвать причину такого ужасного решения.

– Бедный мальчик, – сокрушенно вздохнула соучастница преступления. – А он решил, что уже весь в шоколаде. Беззаботная сытая жизнь, хорошие отметки, отличная карьера по завершении учебы...

– Усложняем задачу, – сказал мужчина. – Желание номер два. Не кладите трубку, господин министр. Сейчас вы позвоните вашему шефу Василию Ивановичу и чистосердечно признаетесь, что вы не такой, как все, и вам очень жаль. Вы глубоко раскаиваетесь и просите Васи-

лия Ивановича подписать прошение о вашей немедленной отставке. Лично нам безразлично, куда вы суете свои рудименты, но в свете последних решений партии и правительства – это не очень здорово. Не сомневаюсь, что он подпишет. Незаменимых нет. Смелее, Анатолий Феоктистович, у вас получится, вы же мужчина со стержнем.

– В каком это смысле? – удивилась женщина.

– Не в том, что ты подумала. Вперед, господин министр, и не забывайте – первое возражение или неэтичное слово в наш адрес, и скучающая пуля – ваша.

Рыдающий чиновник, стоя на четвереньках, набирал номер, пальцы срывались. А когда губернатор отозвался и разразился возмущенным басом, дескать, что за херня посреди ночи, чиновник начал мощно заикаться.

– Василий Иванович, это К-к-козякин... П-простите, что звоню в т-такое в-время, но тут т-такое дело...

– Не боишься, что губернатор почует неладное и отправит сюда спецназ? – шепнула женщина.

– С какого перепуга, солнышко мое? – отозвался мужчина. – Власти не знают, что мы в городе. А иначе бы, конечно, среагировали. Василий Иванович должен проснуться, озадачиться – мол, что это было? Хорошенько подумать, все проанализировать. Возможно, перезвонить своему министру. Допускаю, что он неглуп, и идея про спецназ может возникнуть. Но даже если так, сколько времени нужно спецназу, чтобы добраться до Васильково и оцепить его? Минимум полчаса. А мы уже уходим.

Министр что-то бубнил. Губернатор переспрашивал, тот снова бубнил. Слушать это было противно. «Мстители» терпели – это было не самое противное, что приходилось выслушивать в этой жизни.

– Толян, ты с дуба рухнул? – отчетливо донесся голос высшего должностного лица субъекта Федерации. – Чё за херню ты тут сморозил?

Но министр продолжал бубнить – особенно после того, как ствол уперся ему в висок, и указательный палец выбрал люфт спускового крючка.

– Вы справились, Анатолий Феоктистович, – одобрил мужчина. Трубка телефона вывалилась из трясущейся руки, и под министром образовалась лужа. – На троечку, но справились. Ну что ж, подсудимый, если вы справились с двумя первыми заданиями, то справитесь и с последним. Оно не сложное, физических усилий не требует. Итак, наступает понедельник. На работу вы сегодня уже не идете. Да и правильно, понедельник – не самый лучший день для начала рабочей недели. Давайте посчитаем ваше движимое и недвижимое имущество. Два загородных дома, не считая незаконченного третьего, две хорошие квартиры в Яроволье, пять машин – два «Мерседеса», «Ягуар», «Камри» и почему-то розовый «Витц», в который вы пытались затолкать свою жену, но ничего не вышло, а машинка чуть не лопнула. Недвижимость за рубежом, включая скромный домик в Палм Бич, Флорида, и аналогичный особнячок в курортном местечке Коста де ла Луз, Испания. На ваших счетах аккумулировано порядка десяти-двенадцати миллионов долларов. Сейчас вам будет предоставлен список, который вы до утра можете внимательно изучить. Это детские дома, детские сады, парочка сиротских приютов, несколько больниц и ряд благотворительных организаций, включая фонд помощи детям, страдающим заболеваниями центральной нервной системы. Надеюсь, вы понимаете, к чему я клоню?

– Господи, только не это, пожалуйста, только не это... – забубнил чиновник. – Все, что угодно, только не это, я не могу...

– Тогда прощайте, – сказал мужчина, и в спусковом механизме что-то хрустнуло.

– Вот это жадность, – восхитилась женщина. – Жизнь готов отдать, лишь бы не делиться.

– Нет, нет, не стреляйте... – выдал чиновник. – Я все сделаю!

– Мы так и подумали, – усмехнулся мужчина. – Вот утром и займитесь. За вами будут наблюдать. Все очень просто, господин министр, вам не нужно думать, все цифры расписаны.

Возможно, вам останется одна городская квартира, хотя и не факт. Но ничего, и на паперти люди живут. И это не просто угроза, Анатолий Феоктистович, вас достанут, куда бы вы ни спрятались. И чем скорее вы раздадите нуждающимся имущество и деньги, тем лучше для вас. Кстати, забыл сказать, что убьют вас не сразу, сначала будут долго пытаться...

Внезапно «мститель» вскинул голову и застыл. В серой мгле прорисовывался напряженный силуэт. Встрепелась женщина, прервала съемку. Он приложил палец к губам. Она пригнулась и беззвучно подбежала к окну. Насторожился чиновник, но воспрянуть не успел, мужчина нагнулся, сжал ему что-то под ключицей, и тот взбрыкнул, прежде чем замереть. Он подбежал к соседнему окну, отогнул штору. Оба всматривались в ночную мглу, окутавшую сад. Дождь прекратился. От земли поднимался туман, его завихрения расползались по смородиновым кустам, по охапкам отцветшего клематиса. В воздухе зависла плотная дымка.

– Никитушка, если тебе кажется, что тут кто-то есть, то тебе не кажется, – глухо прошептала девушка. – Я тоже это чувствую.

– Фигня какая-то, – отозвался Никита. – Я слышал, как треснула ветка. Ксюша, мы слишком остро реагируем на посторонние звуки. После звонка губернатору прошло пять минут, они не успели бы прилететь даже на истребитель.

– Не спорю, Никита, это что-то другое. Нехорошо как-то, нам нужно выбирать.

– Дай мне камеру, – попросил Никита.

– Черт, смотри... – передавая камеру, женщина застыла на месте.

В туманной дымке материализовалось тело. Качнулся смородиновый куст, вздрогнул соседний, что-то прошмыгнуло к двери. Звякнул металл. Слева показался еще один силуэт, он перебирался на корточках куда-то за угол.

– ОМОН... – ахнул Никита. – Или спецназ. Нас кто-то сдал, Ксюха! Свои же сдали, вот же блин... Пошли, любимая, будем уходить!

Он схватил подругу за руку. Они перепрыгнули через неподвижное тело и на цыпочках помчались из кухни. Прошли через проход под лестницей на заднюю сторону дома, через два изгиба мимо гостевой спальни и гостиной была терраса в неухоженный задний сад, до которого у чиновника еще руки не дошли. Никита затормозил – он уже слышал, как за дверью накапливается неприятель, приглушенно бубнят мужчины. «Синхронно будут врываться, – возникла неприятная мысль. – Спереди, сзади, может, еще где-то! Да что же творится-то, дорогие россияне...»

Он поймал разогнавшуюся девушку, обнял ее. На него смотрели большие возбужденные глаза. Они блестели в темноте, и от тоски защемило под лопаткой, дышать стало трудно. Вот же влипли!

– Спокойствие, дорогая, только спокойствие. Из каких мы только неприятностей ни выбирались.

– Прости, Никитушка, но только не из таких... – голос девушки задрожал. – У нас всегда имелся план «Б» на случай непредвиденных обстоятельств. У нас имеется сегодня план «Б»?

– Конечно! – он чуть не вскричал, но вовремя опомнился.

Какой, на хрен, план «Б», если он даже план дома толком не изучил?! В окна не выйти, повсюду решетки. Но на втором этаже, если память не подводит, решеток не было. Он поволок ее обратно, к лестнице, и очень вовремя. Атакующие решили действовать одновременно. С треском вылетела входная дверь. В щепки разнесло заднюю – использовали маломощное взрывное устройство направленного действия. Лопнула решетка на окне в гостиной. Дом наполнился топотом, криками. А Никита и Ксюша, как зайцы, прыгали по задней лестнице на второй этаж...

В душе творилось что-то апокалиптическое. Надо же так вляпаться! Вероятно, сигнал о появлении в данном квадрате «особо разыскиваемых» персонажей был получен не десять

минут назад. Им дали выполнить часть работы, не спешили с атакой. Почему? Да какая разница! Он схватил подругу за шиворот, когда она чуть не бросилась к галерее. Там их расстреляют, это точно. В отличие от Никиты, Ксюша вообще не смотрела план дома. Он метался в возбуждении. Эх, минутку бы покоя, чтобы хорошенько подумать. Рядом балкон, но прыгнуть вниз не вариант – их обложили явно не дилетанты. Все окна под контролем. А первый этаж уже наводнили бойцы специального подразделения – кричали, матерились. Споткнулись о чиновника – прошлись по всей амальгаме. Уже помчались наверх...

Распахнулась дверь, и Никита отшатнулся от неожиданности. В коридор вывалилась растрепанная пышнотелая особа в длинной ночной рубашке. Не красавица, конечно, но обладающая некой монументальной грацией. Тонкая натура – если на весы не ставить. Женщина была до предела возмущена. Что происходит? Что за гром небесный? Где ее муж? Обнаружив колышущиеся тени, она вскричала от страха и негодования. Попятилась.

– Анатолий, ты что творишь? – она осеклась.

– Мадам, ну, как вы можете?! – возмутился Никита. – А ну, немедленно уйдите! Разве вы не видите, что здесь проводится спецоперация?! Спрячьтесь у себя в спальне!

Неожиданно в голове Никиты блеснула мысль. По словам бывшей домработницы, уволившейся по причине склочного характера работодателей, из санузла в хозяйской спальне теоретически можно выбраться на крышу. Западня? Но куда еще бежать, как не в западню?!

– Женщина, подвиньтесь, чего вы тут стоите, как на базаре? – он оттолкнул обалдевшую матрону, зашвырнул в хозяйскую спальню Ксюшу и сам запрыгнул внутрь. Некогда извиняться, расшаркиваться, брать заложников. Они мигом влетели в темный санузел. А ОМОН уже топал по второму этажу. Никита шлепнул по выключателю. Отлично. Типичная западня. Санузел изгибался буквой «Г», за углом имелись ванна и окно с обычным стеклопакетом. А в предбаннике шкафы, фарфоровый унитаз. Снаружи взревела рассвирепевшая горилла – достопочтенная Роза Викторовна бросилась на таран. В отличие от мужа, у женщины хватало стойкости и мужества. Никита успел замкнуть шпингалет, как в дверь долбанули, словно стенобитным оружием. Шатнулась рама с косяками, но дверь и запирающее устройство выглядели прочными.

– Ксюха, кокну, что там? Да шибко не высовывайся и маску не снимай... – он подметил, как изящная фигурка в мешковатом «защитном» облачении метнулась за угол, асам схватился за ближайший шкаф и принялся его ворочать. Отчаяние утраивает силы! Громоздкая конструкция рухнула под дверь. А та сотрясалась от ударов. «Оставить проблему за дверью?» – кажется, так сказал бы психоаналитик? Но они ведь не считали, что везение бесконечно? Он поднатужился, поволок второй шкаф. Достопочтенную Розу Викторовну остановил бы и один, но вот взбесившийся спецназ...

– Никита, здесь высоко... – ахнула за углом Ксюша. – Что делать? Горящую смолу будем лить?

Адреналин так и хлестал. Он где-то слышал замечательную фразу: жизнь дается только раз, и прожить ее нужно так, чтобы повторно не хотелось. Ну, что ж, пусть не вся жизнь, но короткий ее отрезок был прожит ярко и не зря. Но они еще поборются! Второй шкаф с мерзким скрипом повалился рядом с первым.

– На крышу, родная, на крышу.

А бойцы уже были в спальне. Голосила супруга министра, используя все возможности русского языка – крыла людей, хозяйничающих у нее в ванной, крыла сотрудников спецподразделения, топчущих ее ковры. Она это просто так не оставит! У ее мужа положение! Что за бардак! Бойцы уже рвали дверь, долбили в нее прикладами. «Взрывать не должны, – опасно подумал Никита. – Это уже чересчур в министерском-то доме...» Он обернулся. Ксюша выбралась наружу, в помещении остались лишь ноги. А рама проема уже шаталась. Послышался выстрел в замок, но дверь открывалась внутрь, ее держала перевернутая мебель. Сыпалась штукатурка, со звучными шлепками отскакивали и бились плитки кафеля. Поколебав-

шись, Никита вскинул ствол к потолку и дважды надавил на спуск. Уши заложило. За дверью кто-то поскользнулся... Но поводов для веселья оставалось все меньше. Замешательство продлилось недолго. Он шмыгнул за угол, бойцы открыли ураганный огонь по двери. Хорошо, что помещение изгибалось, а пули не имеют свойства летать за угол. Свинец крошил стену, порвалась труба, подведенная к унитазу, хлынуло на пол. От унитаза отлетали куски фарфора, он покрылся трещинами, лопнул. А Никита уже мчался в обход ванны, запрыгивая на подоконник. Окно располагалось в углублении – в толще кирпичной кладки. Ксюша стояла на коленях у самого края, приподнялась, схватилась за что-то наверху, подтянулась. Никита вывалился наружу, обхватил ее ноги, помог их забросить наверх. Сам вцепился в покатый срез кровли, перебросил тело, втиснул пальцы в зазоры между черепицами. Прилепить их могли бы и основательнее – плитка отскочила, он с ужасом почувствовал, что скользит вниз. Правая нога уже свалилась со ската, он зацепился за углубление сбитыми в кровь пальцами, начал подтягиваться, отдуваясь от усердия...

– Они на крыше! – истошно завопил боец, разглядевший его в клочьях тумана. А внутри уже что-то грохотало, спецназ прорвался в ванную комнату и усугублял разруху.

– Никитушка, только не геройствуй, – умоляла откуда-то сверху Ксюша. – И не лезь под пули, я тебя очень прошу! Яне вынесу, если тебя не станет, так и знай! Пусть нас посадят в тюрьму, мы переживем, мы оттуда сбежим, только не давай им нас убить.

Это точно, в жизни всегда есть «вместо подвига». Загвоздка лишь в том, что если местные власти знают, на кого проводят облаву (а они, конечно, знают), то в живых не оставят. Спишут на попытку к бегству, будут потирать ладошки и мерзко хихикать. Он вцеплялся в клятую черепицу чуть не зубами. Ножки Ксюши в немарких кроссовках уже елозили наверху, она добралась до конька крыши, подтянулась, хватаясь за мачту телевизионной антенны. Мачта гнулась, но не ломалась. И вот уже девушка скорчилась на узкой ленточке, опустилась на корточки, подалась в туман. Слава богу, что еще не светало. Никита уперся носком в подвернувшийся выступ, подался вперед, хватаясь за антенну. Узкая штанга переломилась, посыпались нанизанные элементы, но он уже держался за конек. Перевернулся – в тот момент, когда спецназ, пробившийся через ванную, бросился покорять еще не покоренные плоскости. Проворный боец, забросив за спину автомат, вскарабкался на крышу... и глухо вскричал, раскаявшись в своей расторопности. Никита, словно копье, метнул в него антенну. Сложная конструкция с «хвостовым оперением» рассекла воздух и вонзилась спецназовцу в бронежилет. Боец потерял равновесие, выронил положенный по статусу «Кедр» и заскользил вниз. Ноги провалились в бездну, он схватился за карниз, оглашая ночную хмарь сочными высказываниями. Пальцы разжались – прозвучал короткий, но берущий за душу вопль, тело шмякнулось о землю. Все в порядке, пара сломанных конечностей. «Теперь мы их точно разозлили, – пронеслась неутешительная мысль. – Будут бить на поражение...»

Придерживая видеокамеру в поясном чехле, он вскарабкался на конек, а Ксюша из тумана уже протягивала ему руку и просила:

– Никитушка, давай сюда, бежим...

Они балансировали, как эквилибристы на канате. Короткими шажками добрались до какого-то барьера, затаились. Второго смельчака, желающего погулять по крыше, пока не было. Но шум под крышей царил такой, словно там столкнулись несколько полицейских подразделений и крупно повздорили. Впрочем, бойцы из ванной комнаты продолжали пакостить – на крышу не лезли, но выставляли стволы и раздражались лающими очередями, не щадя патронов. Они могли себе позволить не рисковать жизнью – враг окружен, путей отхода нет.

«Улететь бы сейчас...» – тоскливо думал Никита, глядя в хмурое небо и сжимая холодную руку девушки.

– Дорогой, я, конечно, не сторонница поспешных капитулянтских решений, – зашептала Ксюша. – Но, может, сдадимся? Расстреляют или нет – это еще бабушка надвое сказала, но

на крыше нас точно поубивают. А если с тобой что-то случится, впрочем, об этом я уже говорила...

Он обнимал ее дрожащее тельце. Тоска превращалась во что-то всеобъемлющее. Какая тварь их сдала? Из местных жителей в планы «мстителей» были посвящены пятеро... нет, шестеро, если считать того навязанного Кириллом полицейского. Бессмысленно на что-то рассчитывать. Если убьют не сразу, то убьют потом, а если не убьют потом, то спрячут так глубоко, что мысль о побеге превратится в розовую мечту.

– Давай позднее с этой мыслью переспим, хорошо, милая? Посмотрим, что у нас на «верхней палубе»...

Крыша особняка господина министра имела сложную конфигурацию. Скаты располагались перпендикулярно, в стороне вычерчивалась башенка с имитацией слухового окна. А если не имитация, то спецназ до этого отверстия пока не добрался. Они переползли через вздутие по рубероиду и вновь карабкались по скату, подгоняемые выкриками и рваными автоматными очередями. Снова появился поперечный конек, они перевалились на другую сторону, когда спецназ под окрики командиров осмелел и вновь полез из ванной комнаты. Подтянулся боец, другой прикрывал его огнем, насыщая свинцом затянутое тучами небо. Орал командир, обзывал своего подчиненного слепой кишкой, призывал не изводить боеприпасы.

– Будут сопротивляться, живыми не брать! – гаркнули внизу, и спецназовцы, рассредоточившиеся по кустам, одобрительно загудели.

«Как это мило», – с грустью подумал Никита. Прибыло новое распоряжение – смелее первого? Ксюша возмущенно запыхтела. А они уже сползли с наклонной плоскости, сдирая пальцы, разрывая одежду. В северном крыле крыша имела плоский вид. Ровная четырехугольная площадка, ограниченная полуметровой кирпичной загородкой – идеальное место, чтобы разместить небольшой садик и зону для отдыха. Они скатились на площадку, стали лихорадочно озираться. В запасе минута – ровно столько нужно смельчакам, чтобы проползти по их проторенной дорожке. А потом – наспигуют свинцом по самое горло. Никита вертелся, как волчок. На западной стороне почти вплотную подступали рослые тополя в количестве двух штук. Он побежал туда, глянул через край. На задней части под домом были кусты, бледная ленточка гаревой дорожки, и несуразные деревья, срубить которые чиновник почему-то не торопился. Виднелся изгиб забора – трехметровая кирпичная изгородь в этом месте располагалась сразу за тополями – небольшой прямой участок, а далее изгибалась к западу, повторяя излучину речушки, протекающей за владениями министра. Узкая, но бурная и глубокая, изобилующая омутами Бурлинка, заросшая ивами на западном берегу, а здесь, на восточном – голый каменистый обрыв. Река совсем рядом, там свобода. Но как туда добраться? Он поступил благоразумно, что не высовывался, под домом копошились люди. Они теперь везде, по всему периметру. Нужно их отвлечь, но как?!

– Никита!!! – завизжала мечущаяся по крыше Ксюша.

Он развернулся, скидывая руку с пистолетом. Добрались, ловкачи. Над коньком уже мерцали головешки. Задыхаясь от волнения, он выстреливал пулю за пулей. Не по людям, ниже. Разлетались черепицы, кричали спецназовцы. Им и в голову не приходило, что Никита не собирается никого убивать. Головы пропали, тела покатались по скату на обратной стороне. Придут в себя, перестроятся, снова полезут. На раздумья секунд пятнадцать. В голову что-то пришло. Но как пришло, так и ушло. Ну, уж нет! Он схватился за сбежавшую мысль, как за хвост несущейся кобылы. Последняя изюминка... тьфу, соломинка! Никита бросился к кирпичному ограждению на восточной стороне, свалился на колени, перегнулся через край. Ночная муть уже рассасывалась, но туман не сдавался, стелился по земле замысловатыми кольцами, под его лохмотьями что-то шевелилось, угрожающе вздымалось.

– Получайте, суки! – с надрывом вскрикнул Никита, вбил в «Стечкина» свежую обойму и принялся палить вниз – по крыше беседки, по лавочке с чугунными ногами, по обтекаемому резервуару для хранения воды.

И снова вспыхнула неразбериха. Вопили спецназовцы – кто-то грозно, кто-то испуганно (но у всех выходило схожими непечатными оборотами). Кто-то топал по дорожке, стреляя вверх. Но Никита уже сделал, что хотел, отпрянул от ограждения, напряженно вслушивался. Люди гомонили практически везде. Есть! Бойцы, окопавшиеся на западной стороне, подверглись ажиотажу, кинулись на выручку своим товарищам – несколько человек грузно топали по дорожке, огибающей здание. Пора! Ксюша сидела на корточках, смотрела на него огромными прозревшими глазами. Он схватил ее за руку, но она все поняла, вырвалась. Не говоря ни слова, они помчались на заднюю сторону, встали на ограждение...

Два тела отделились от крыши, застыли на мгновение и рухнули в гущу переплетенных ветвей. На дворе 24 сентября, осень в разгаре, деревья осыпались, но на этом тополе-долгожителе листвы еще хватало. Никита ухватился за толстую ветку, почувствовал убийственную боль, руки чуть не выбило из сухожилий, но удержался. Подтянулся, обвив ногами ветку. Ксюша возилась где-то над ним, пытела, перебиралась поближе к стволу. Сыпалась листва. Он тоже начал совершать поступательные движения, уперся пяткой в ствол. «Что-то получается», – возникла радостная мысль в голове. По ним никто не стрелял, не орал под деревом...

– Ты в порядке? – прошептал он.

– Черт, за сучок зацепилась! – Над ним энергично тряслась ветка. – Не пускает, зараза...

Ксюша извернулась, извлекла из поясной сумки складной ножик. Раскрыла его, стала резать одежду. Но лезвие не выдержало, переломилось. Она зашипела в расстроенных чувствах, дернула рукав, оторвав его с мясом.

– Ничего, дорогая, все, что ни делается... – пошутил Никита.

– Делается в Китае, – отрезала Ксюша. – О, боже...

Они застыли. На крыше галдели и топали люди. Бравый спецназ преодолел последнее препятствие и оккупировал площадку, опоясанную барьером.

– Товарищ капитан, здесь никого нет! – как-то обиженно взвыл боец.

– Я тебе дам, никого нет!!! – взревел командир с северного торца здания. – Они там, внимательно смотрите!

– Товарищ капитан, здесь какой-то люк! – воскликнул наблюдательный спецназовец, освещая кровлю фонарем. – Он вроде бы заперт, сейчас мы его вскрыем.

Крышка люка была отличным средством отвлечения. Несколько мгновений форы, он обхватил покрепче ствол, утвердился коленом на основании мощной ветки. Ксюша сползла ему в объятия, крепко обхватила за талию.

– Смещайся на другую сторону... – шепнул он, хватаясь за сучок, оставшийся от сбитой ветром ветки.

Они переползали на западную сторону развесистого тополиного хозяйства. Сучья царапали кожу, рвали одежду. Картина за охапками листвы представляла не очень-то радужной. Они уверенно держались. Но спуститься ниже было проблематично – особенно без шума. До основания следующей ветки было далеко. А в нескольких метрах под ними из полумрака вырисовывался гребень кирпичной стены. Теоретически можно до него допрыгнуть (вот только как удержаться на гребне?). Далее – пусто, камни, фрагмент скалы за комьями глины. Под обрывом река, и видно невооруженным глазом, как вода под обрывом закручивается в водоворот, а течение его опасно огибает, уносится на север. Из воды торчали коряги, заклиненные стволы упавших деревьев...

Мысленные подсчеты не радовали. По «оси абсцисс» до забора метра два, по «оси ординат» – не меньше трех...

– Никита, даже не думай, – испуганно молила Ксюша, понимая, что творится у него в голове. – Мы с тобой, конечно, люди отчаянные, но такая экстремальная акробатика – это уже слишком. Переломаемся к чертовой матери. Давай уж посидим, подождем, может, само рассосется...

«Заметят», – обреченно думал Никита. И словно подтвердил его выводы вопль с крыши:

– Товарищ капитан, это хрень какая-то, а не люк! Он заварен, им не пользуются!

– Идиоты вы, парни! – взревел белугой командир. – Там же деревья вплотную к зданию! Стреляйте по деревьям, они там!

– Ну, все... – обреченно вымолвила Ксюша, прижимаясь к Никите. Обвила его руками, загородила собой. Не успел он возмутиться, как пространство огласил грохот топающих подошв, беспорядочная стрельба огласила округу и соседний тополь заходил ходуном, затряс ветками, сбрасывая листву и мелкие сучья. Еще мгновение, и бойцы перенесут огонь...

– Пошли, родная, – выдохнул Никита.

И снова две фигуры, оттолкнувшись от дерева, устремились в полет. Молчать уже не было сил – они кричали, наполненные адреналином, отчаянно веря, что эти крики помогут. Пробились через ворохи листвы, контактируя с кирпичной кладкой, жестокий удар чуть не выбил дух, жуткая боль почувствовалась в отбитых пятках. В глазах потемнело, Никита чуть не потерял сознание. Удержаться на гребне было невозможно, как ни балансируй, законы физики всегда не на твоей стороне. Срывалась нога, он практически уселся на шпагат, пропорол бедро, растянул связки, а инерция волокна вперед, он уже кубарем катился с забора. И лишь в последний миг, рыча от боли, ломаясь, как соломенное чучело, он извернулся на девяносто градусов, забросил руки на гребень и как-то удержался...

Он не помнил, как спрыгнул с забора и как перемещался на пышущих жаром конечностях. Потерял пистолет, да и бес с ним, он истрелял обе обоймы. Не в этом дело. Другое заставило его очнуться и ужаснуться. Они с Ксюшей слетели одновременно. И у Ксюши поначалу выходило гладко. Легкая, гибкая, как молодой стебелек, она долетела до кромки ограждения, сгруппировалась, чтобы не повредить ноги, оттолкнулась от гребня и, сделав кувырок головой вперед, покатила вниз. И снова приземлилась на ноги. Но развила такую инерцию, что не смогла остановиться. Споткнулась о камень, снова кувыркнулась, ударилась виском, покатила дальше, отчаянно пытаясь затормозить. Но обрыв был уже рядом. Когда Никита включился, она уже пропадала за обрывом, оглашая пространство жалобным стоном. Жар ударил в голову, он не верил своим глазам. Бред какой-то. В голове что-то взрывалось, как на складе с пиротехникой. Хромая, он ковылял к обрыву. А спецназ за спиной голосил на все лады, бойцы подсаживали друг друга, лезли через забор – этого он тоже не замечал. Голосил командир: «Взять живым, он без оружия!» Никита доковылял до обрыва, потрясенно уставился вниз. Под ногами бурлил и закручивался водоворот. Гиблый омут, страшное место, где властвует водяной. Поодаль – груды коряг, какой-то мусор... Но вдруг отчаянным рывком Ксюше удалось вынырнуть! Он увидел, как левее спирали возникла голова в порванной маске. Она сопротивлялась, била руками, поднимая тучу брызг.

– Никита, помоги! – различил он сдавленный стон. Девушка взмахнула руками, сил сопротивляться уже не было. Голову потянуло к центру водоворота, закрутило, поволокло на дно...

Выйдя из оцепенения, он заспешил на помощь своей возлюбленной. Шагнул вперед, чтобы прыгнуть. Но толпа уже догнала Никиту, жилистый спецназовец вырвался вперед, прыгнул ему на спину. Никита устоял, расставил ноги, согнулся в три погибели, сделал толчок, и боец, громыхая доспехами, перелетел через него, покатился с обрыва. Но не плюхнулся в водоворот вслед за Ксюшей, уцепился за торчащий из обрыва толстый корень, повис, выронив автомат. И только Никита бросился вниз, как на него опять навалились, теперь уже двое, принялись растягивать, как эспандер. Он рухнул на колени, чем привел их в замешательство.

Одному вlepил кулаком под ребро, второму треснул локтем. Сила появилась необычайная! В голове крутилось лишь: «Да пропустите же, дайте пройти, девушка тонет!!!» Двое отвалились, но уже летели следующие. Он не успевал. Ладно, сами напросились. Никита увернулся от приклада, летящего в голову, отправил кулак и куда-то попал. Качнулся, когда второй приклад ударил в печень. Но он еще не сломался! Наивный парень, собрался кулаком его достать. Но у него же руки свободные. Никита проделал вольт, уходя от удара, перехватил атакующую конечность – в запястье и под мышкой. Резко развернул бойца на сто восемьдесят, тот и опомниться не успел, как левая рука Никиты уже обхватила его предплечье, создавая жесткий стержень, рука переломилась в локтевом суставе, и боец так взревел, что остальные как-то замешкали. Он оттолкнул его, но упустил момент, когда один из бойцов подразделения оказался у него за спиной – от тычка в затылок сознание захлопнулось, как крышка люка. Он зашатался, руки еще работали, но голова уже нет. Его повалили на землю, стали пинать с остервенением...

Не любил Григорий Алексеевич Олейник носить свой генеральский мундир. С одной стороны, ему нравилось, что он генерал-майор, а не какой-нибудь банальный полковник (и уже три года, как не банальный полковник!), но все равно не любил. Надевал от силы раза три-четыре в месяц. Слишком маскаратно, что ли. У одних вызывало усмешку, у других раздражение. Да и мишенью себя чувствовал в этих регалиях. Вот и сегодня, в понедельник 24 сентября, он сидел в своем кабинете, одетый в добротный партикулярный костюм, и просматривал свежие сводки. Григорию Алексеевичу было сорок девять лет, из которых двадцать семь он посвятил обеспечению законности и правопорядка в стране – в основном на руководящих должностях. Статный, сухощавый, ростом выше среднего, в меру вспыльчивый, обладающий тяжелым пронизательным взглядом, живым умом и сообразительностью – он соответствовал своей должности, как никто другой в этом шумном городе. В октябре будет ровно три года, как Григорий Алексеевич исполняет обязанности начальника Главного управления МВД России по Яровольской области. И настолько врос он в свою работу, что кем-то другим себя уже не представлял. Рядовая биография для человека такого уровня: родился на Алтае в семье потомственных инженеров, отслужил армию во внутренних войсках, охраняя исправительное учреждение под Вологдой. После армии остался в Вологде, закончил местную школу милиции, несколько лет трудился инспектором уголовного розыска в районном РОВД. И, поймав удачу за хвост, в 95-м он возглавил упомянутое отделение. Окончил Академию МВД и тут же получил назначение на должность заместителя начальника Управления уголовного розыска УВД Яроволья. Работал, не покладая рук, молотил, как проклятый, не щадя живота, и вот в 2003 году он уже заместитель начальника областного УВД, обрастал связями, влиянием, заводил нужных друзей, чтобы в один прекрасный день... И этот день настал в 2009-м, когда указом Президента Российской Федерации Г. А. Олейник был назначен начальником Главного управления внутренних дел области, и одновременно ему было присвоено звание генерал-майора. На первом же совещании он заявил бескомпромиссно: довольно бардака, товарищи, работать будем по-новому. Старый лозунг областной милиции «Грابتь и бездельничать» извольте отправить в топку и водрузить новый: «Служить и защищать». А уж кому служить и кого защищать, он разжевал отдельно, а именно с руководством каждого структурного подразделения, доводил, так сказать, до сознания людей новые правила нелегкой службы...

Он морщился, читая сводки и докладные. Подчиненные проявляли чудеса безграмотности, и это в стране с обязательным средним образованием. Действительно, стоит ли утруждаться, в мире столько вещей, которых лучше не знать – орфография, например, пунктуация. А еще русские люди, называется. До сведения генерал-майора доводили, что снова оппозиция в лице отдельных недобитых товарищей пытается под него копать. В Интернет вбрасывались материалы, в которых утверждалось, что начальник ГУВД Олейник симпатизирует националистическим идеям, покровительствует скинхедам, спустил на тормозах несколько убийств

гастарбайтеров, в которых явно присутствовал националистический след, и недолюбливает евреев. Надо же, новость. Григорий Алексеевич усмехнулся. Пока он беззаветно служит правящей партии, обвинять его в национализме просто глупо. А то, что покровительствовал убийцам – надо доказать. А пока не доказано – типичная клевета, преследуемая уголовным законодательством. Материал был вброшен в мировую сеть с сервера государственного университета – правильно, откуда еще? Пусть люди там работают, ничего ужасного пока не происходит...

Григорий Алексеевич закурил, откинул голову и закрыл глаза. Настроение в утро понедельника было «умеренно отличным». В пятницу возглавляемое им управление хвалили на коллегии МВД. Кривая преступности в городе и области резко идет на спад. Уличную преступность одолели, осталась кое-где «переулочная». Как хихикал в сауне один из его заместителей под хмельком, «повсюду теперь порядок, даже преступность у нас – организованная». Текущий день тоже обещал быть удачным, главное, чтобы сдержал свое обещание. Он не мог поверить, что сегодня ночью произошло именно то, что произошло. С одной стороны, редкая удача – накрыть знаменитых «мстителей», а с другой – стоит ли афишировать, что накрыли их не где-нибудь, а в Яроволье? Побоялся расспросов: «А объясните, товарищ генерал-майор, почему эти преступники решили очередной свой шабаш провести именно в вашем городе? Их кто-то дезинформировал по поводу порядочности ваших руководителей?» И неважно, кто задаст этот вопрос – министр МВД, представитель президента в федеральном округе или, скажем, сам председатель правительства, которого Григорий Алексеевич ни капельки не боялся и все же относился к нему с опаской. Широкая общественность и московские товарищи никогда не должны узнать, КОГО этой ночью обезвредили в Яроволье! Соблазн похвастаться велик, но нужно ведь и головой думать.

Он владел информацией в полном объеме. Знал и о позапрошлом лете, когда эти двое молодчиков устроили дебош в подмосковном Качалове, и тамошние власти усердно делали в штаны. А потом распознали по кладбищам и зонам, когда так называемый «глас народный» дошел до кипения. Он был полностью «Копенгаген», когда спустя два месяца эти двое объявились в полуторамиллионном Н-ске, заставив чиновников трястись от страха и срочно эвакуироваться. Он просматривал материалы дела, когда зимой их нелегкая занесла в Восточную Сибирь, и истекающая желчью «интернет-общественность» наслаждалась развитием «герметичного» детектива в заброшенном особняке мертвого авторитета.

Эта парочка была неуловима. Несколько раз полиция и органы безопасности выходили на след и всякий раз его теряли. Люди помогали так называемым «мстителям», и не только на словах, но и на деле. Видно, им никто не объяснил, что это особо опасные преступники и занимаются они расшатыванием законного государственного строя, то есть реальным терроризмом. Потом полгода не было вестей, власти вздохнули с облегчением, пока не грянуло в черноморском Кабаркуле. Преступники глумились и издевались над чиновниками и банкирами, над судьей и прокурором, а в заключение извозили в свинячьем дерьме городского главу – и снова пользователи Интернета им едва не аплодировали. Объявился современный аналог Робин Гуда, пользующийся поддержкой в народных массах. Рассвирепевшие власти обложили город, но эти ловкие парень с девчонкой опять просочились сквозь пальцы.

Столичным властям пришлось реагировать, в Кабаркуль зачастили комиссии и группы московских следователей. Арестовали нескольких чиновников, еще с десятков объявили в розыск, включая местного начальника уголовного розыска, провалившего работу по выявлению лиц, ведущих деструктивную деятельность. Григорию Алексеевичу было чем гордиться: профилактическая работа в областном центре поставлена на уровне. Он лично отбирал ответственных за каждый район «секретных агентов». На руководящие должности в отделах и управлениях назначал лишь проверенных работников. Ведь вторжение «мстителей» – как война с другим государством: скорее всего не будет, но армия должна быть готова.

Несколько дней назад появился первый сигнальчик. Явился осведомитель, поведал, шныряя глазками, что в Яроволье прибыли те самые «мстители»: Никита Россохин и Ксения Левторович. Приметы совпадают. Поселились в частном секторе на Портняжной улице, но пороть горячку не стоит, верные люди уже висят на хвосте, и схватить их никогда не поздно. Григорий Алексеевич не поверил. Ну, какая, скажите на милость, вероятность данного события? Один процент? Но впоследствии пришлось признать: подвела теория вероятности. Потом их потеряли – как сквозь землю провалились в своем частном секторе. Но выдержка спасла, без шума, ажиотажа, кропотливо работая, вычислили новую берлогу – общежитие кондитерской фабрики «Сладкоежка» в Кировском районе. Явился тот же информатор и порадовал: «мстители» ничего не заподозрили, просто на всякий случай сменили место проживания. Они чего-томышкуют, общаются с доверенными лицами. Решили брать, но снова неудача – пустая комната в общежитии. На следующий день задержали одного из доверенных лиц, тот сломался на первом же допросе, выложил все в обмен на смягчение наказания. Некто Карпухин, бывший преподаватель местной партшколы, ныне лектор на курсах повышения квалификации аппаратных работников. Поведал, что у «мстителей» грандиозные планы на местных чиновников, о деятельности коих им известно практически все. Под ударом губернатор, полицейское начальство, руководители исполнительной и законодательной ветвей власти. Но первый удар нанесут не в сердце, а по главному областному вору – руководителю ключевого министерства Козякину. А далее по накатанной: съемка на камеру, выкладывание этой мерзости в Интернет, всенародное обсуждение. Соучастников взяли под круглосуточное наблюдение. В ночь акции всю эту компанию (за исключением непосредственно «мстителей») прибрали. Имелась отличная возможность пресечь нападение злоумышленников на дом Козякина. Но Григорий Алексеевич принял отличное юмористическое решение: ЗАЧЕМ? Пусть ребята поработают, а то Анатолий Феоктистович зарвался что-то, осмелел, надо бы его укротить. А как закончат над ним глумиться, спецназ торжественно зайдет в дом...

И ведь едва не упустили! На волоске висел успех операции. В итоге у троих омовцев легкие травмы, у четверых серьезные – сломанные конечности, перелом грудной клетки, отбитые внутренности. Россохина задавили массой – разъяренный преступник бился, как лев. Было, с чего прийти в ярость – его подруга, похоже, погибла, загремев в водоворот. Глубина в том месте немереная, не смогла выбраться, захлебнулась в водовороте. Водолазы по приказу Григория Алексеевича уже через час обшарили все дно, загроможденное корягами и высверленное водоворотом, но выловили только кроссовок, застрявший на сучке одной из коряг. Тело унесло, и где его теперь прикажете ловить? Россохина в бессознательном состоянии бросили в автозак, доставили в центральный СИЗО и поместили в одиночку. Пусть сидит. Ликвидировать «при попытке к бегству» никогда не поздно. Теперь не сбежит, камеру охраняют, как золотой запас. Да и как он сбежит? Ноги повреждены, сам уже не человек, а огромный стонущий синяк. Еще один синяк, по фамилии Козякин, валялся на полу, и об него старательно запинались омовцы, пока кому-то не пришла в голову мысль оттащить бесчувственное тело под стол. Под столом он и очнулся, в ужасе подскочил, поставив на макушке красивую дополнительную шишку. Потом чиновника отправили в больницу, разбитого, подавленного, но понимающего, что обошлось. Жена в шоке, ей не стали рассказывать, КТО ИМЕННО посетил ее дом. В нем серьезные разрушения, уже работают представители строительной фирмы и страховщики. У Россохина забрали камеру с занятой записью на жестком диске, Григорий Алексеевич эту запись уже просмотрел, получив колоссальное удовольствие. Он никому ее не показывал, какая запись? Нет никакой записи. Камера разбилась, диск восстановлению не подлежит. Зато имеется отличный инструмент для давления на господина министра. Будет танцевать, как заводной – после лечения и реабилитации. Новость о нетрадиционной ориентации министра стала для генерала приятным открытием. Жалко, что об этом знает и губернатор, ведь Козякин звонил ему под прицелом. И от брошенного любовника можно ожидать любой пакости – начнет

орать на каждом углу в припадке мести, что министр такой-сякой. Ладно, ерунда, губернатор не проболтается, он тоже любит пикантные тайны. А с любовником специально обученные люди проведут профилактическую работу...

Но оставался в душе Олейника неприятный осадок. Уж слишком информированы эти «мстители». Если знают ВСЕ про Козякина, то знают и про губернатора, и про весь «кружок по интересам», в который входит и Григорий Алексеевич. Он приказал своим людям держать рот на замке. О визите «мстителей» в Яроволье знает ограниченный круг лиц, которых трудно причислить к племени болтунов. Но, рано или поздно, информация начнет расползаться, а это весьма неприятно. Ладно, пусть у Василия Ивановича голова болит – она большая и квадратная, ей положено. Григорий Алексеевич потянулся к компьютеру, вывел его из спящего режима и неприязненно уставился на физиономии преступников, которых больше года разыскивала вся страна, а нейтрализовать удалось лишь генералу Олейнику.

У особо опасных преступников, нагоняющих дикий ужас на чиновников, были обыкновенные человеческие лица. Россохин Никита, тридцать лет – снимок пятилетней давности, видимо, фото на паспорт. Короткая прическа, открытое лицо, прямой взгляд. Служил в десантных войсках. Имеет высшее техническое образование. Проживал в Волоколамске, пытался открыть свой бизнес, не повезло – автомастерскую отобрали, друга убили, сожгли дачу вместе с родителями. Милиция оказалась в теме, и Россохин догадался. Данный инцидент и послужил толчком к началу противоправной деятельности. Перебрался в Качалов, познакомился с Левторович. Ау той свои проблемы – невинного брата замучили в милицейских застенках, у отца отняли пасеку – скончался от разрыва сердца. Саму избili в подворотне, мать не вынесла смерти отца, угасла, а в заключение пришли люди из банка и отняли квартиру, которую по закону имели право отнять, а по совести – нет. Эти двое спелись, стали любовниками, решили отомстить всему миру за свою неудавшуюся жизнь. Левторович, в принципе, красotka. С каким-то неосознанным сожалением Григорий Алексеевич разглядывал черты лица, пышные вьющиеся волосы, печальные глаза, плавные линии подбородка и скул. Библейский лик, ей-богу. И то же великомученица, царство ей небесное...

Он вздрогнул – завелся мобильник, номер которого был известен далеко не всем. Не отозваться было бы невежливо.

– Признавайтесь, генерал, – разразился суровый оперный бас. – Оружие, наркотики, валюта?

– Холодное пиво, – усмехнулся Григорий Алексеевич. – И вам доброе утро, Василий Иванович, приятного дня... – «И спокойной ночи», – чуть не сорвалось с языка, но генерал Олейник успел его прикусить.

Настроение у губернатора было благодушное. Некоторое время он кхекал, хмыкал, устраивался поудобнее.

– Будет нам холодное пиво, Григорий Алексеевич, обязательно будет. Стало быть, в вашей волости все в порядке?

– А как иначе, Василий Иванович? Если что-то не в порядке, то все равно под контролем, – позволил он безобидную шутку.

– Все видим, все знаем, но поделать ничего не можем? – развил остроту руководитель высшего исполнительного органа субъекта Федерации. – Просто спрашиваю, Григорий Алексеевич, знаю, что вверенное тебе управление не осрамит свою честь. Что там у вас ночью стряслось? – продолжал Василий Иванович разыгрывать некомпетентность. – Шум стоял, как на салюте в день города. Разборки между полицейскими группировками? Гопы проводили военный парад? Конец света подкрался?

Григорий Алексеевич поморщился. Губернатор Морозов в курсе всех событий, нечего тут упражняться в остроумии.

– Конец света приходит поэтапно, Василий Иванович, – учтиво отозвался он. – Поэтому мы его не замечаем.

– Хорошо сказал, – похвалил губернатор. – Ладно, я все знаю. Молодцы. Похвали своих ребят и себя лично. – Василий Иванович сдержанно гоготнул. – А Козьякин меня насмешил, звонил, понимаешь, среди ночи, каялся в своей гомосятине, просил уволить, я сначала и не понял, что он там курит... Ты уверен, что вторая фигурантка утонула?

– Девяносто девять процентов, Василий Иванович. Многолетний опыт подсказывает, что оставшимся процентом можно пренебречь. Но даже если допустить, что фигурантка выжила – нам это никак не угрожает. Она потеряла любовника и партнера, все их сообщники в городе накрыты, остается лишь уйти на дно и побыстрее отсюда сматываться. Но повторяю, Василий Иванович, вероятность, что Левторович жива – предельно ничтожна. Наши люди осматривают Бурлинку ниже по течению – возможно, где-нибудь всплывет.

– Ну, дай бог, дай бог... – добродушно произнес Василий Иванович. – Будет минутка, Алексеич, зайди ко мне с полным отчетом по данному вопросу. Посидим, покумекаем, как это дело лучше подать. Буду очень признателен, если эта минутка найдется у тебя через полчаса. Не забыл, что в четверг едем на охоту?

Григорий Алексеевич помнил. Четверг – рабочий день, и в этом вся прелесть. В выходные устраивать мероприятие опасно. Ау любителей пострелять в заповеднике по крупной дичи имеется уникальная способность находиться в нескольких местах одновременно. Вроде бородатого анекдота: «Жене сказал, что к любовнице, любовнице – что к жене, а сам – на чердак, и учиться...»

– Я прекрасно помню, Василий Иванович. Знаете... – генерал замялся, – понимаю, что ритуал, место встречи изменить нельзя, все такое... Но не кажется ли вам, что в свете произошедших событий это мероприятие уместнее отложить? Скажем, на недельку? Понятно, что опасности никакой, но чисто психологически, да и береженого, сами понимаете...

– Слушай, ты, оппортунист! – возмутился губернатор. – Все идет по плану, и чтобы больше я от тебя подобного не слышал, господин генерал полиции! Ключевые слова в твоём бормотании: никакой опасности. Так что давай без психологических заморочек и упоминания того, чье имя не называем... – губернатор снова хохотнул. – А в качестве дополнительного адреналина, Алексеевич... – губернатор помялся. – Имеется тут у меня одна идея. Впрочем, появишься на ковре – обсудим. И еще – в шесть вечера на центральной площади состоится согласованный с мэрией митинг: что-то про рост тарифов ЖКХ, бесплатный проезд для пенсионеров, еще какая-то маета. Понятно, что за пределы не выплеснется, покричат, помашут плакатами, но руку лучше держать на пульсе. Твой ОМОН уже подал заявку на разгон митинга? – губернатор сегодня просто лучился остроумием, что насторожило Григория Алексеевича.

– Мы держим руку не только на пульсе, но и на горле, Василий Иванович, – проворчал Олейник. – Хорошо, я все понял. Не возражаете, если я возникну на вашем ковре не через полчаса, а скажем, через пару часов? Имеется у меня настойчивое желание допросить в СИЗО задержанного Россохина.

– Ну, допроси, допроси, раз уж хочется, – не стал настаивать губернатор. – Только смотри, чтобы не сбежал во время допроса. Ну, будь здоров, фельдмаршал, – и грубовато пошутил под занавес. – Хайль Гитлер, как говорится.

– Зиг хайль, Василий Иванович, – пробормотал Олейник, отключая трубку.

Дрожь пробежала по телу избитого узника. Никита распахнул глаза и безучастно уставился в заплесневевший потолок. Пальцы заскребли по вшивому матрасу, проткнули истлевшую мешковину, застыли, скрюченные. Лицевые мышцы пришли в движение, но и их разбил паралич. Несколько минут в неестественной позе, и тело стало расслабляться. Снова промчалась дрожь, и арестант размяк окончательно. Из глаз, затянутых болотной тиной, потекли

слезы. Он шмыгнул носом, обвел глазами сырые стены, уставился незрячим оком на железную дверь, в верхней части которой располагался глазок, а ниже – запертое оконце. Площадь камеры составляла от силы пять метров. Полтора на три. Слева – вмурованные в стену нары с шуплым матрасом, над головой зарешеченное окно. И больше ничего, только дверь. Голый отсыревший бетон – внизу, сверху, сбоку. Даже повеситься не на чем...

Глухая тоска гнобила душу. Он не мог смириться с утратой, он никогда не сможет с ней смириться. Он не монстр, а обычный человек, у которого погибла любимая женщина. Разум соглашался, что она мертва, а рассудок противился. Он не видел ее труп. Но что это меняет? В глазах застыла страшная картина – Ксюша выныривает из омута, умоляет о помощи, вот ее уносит на дно этим чертовым водоворотом. Она не Ихтиандр, и умение плавать в данном случае роли не играет. Он может жить надеждой (сколько там ему осталось?), но кого он при этом обманет?

Он видел только омут, ничего другого не замечал. Думать о себе не хотелось, и во что его превратили, он пока не догадывался. Видимо, напрасно. Что-то надоумило Никиту оторвать голову от шконки. Боль швырнула обратно, в голове разразилась канонада, он начал задыхаться. С силой сжал зубы. Нет, эти твари не дождутся, он не потеряет интереса к жизни. Теперь он будет мстить, как никогда не мстил!

Он со скрипом поднимался, будто возрождался из тлена. Каждое движение давалось с боем. Скрипели суставы, ныли мышцы. В бедрах разбойничала судорога – их испинали так, что там места живого не осталось. Он принял сидячее положение, стал ощупывать лицо и голову. Под глазами зрели мощные синяки, кожа разбухла. Он смотрел на мир сквозь узкие щелочки-бойницы. Волосы спутались, прикоснуться к черепу было невозможно – судя по всему, его пинали не только по ногам...

Он был обязан прийти в себя, он должен снова научиться двигаться! Раны на Никите заживают, как на собаке, в организме – неисчерпаемые резервы. Первые несколько минут от начала разминки он был на грани коллапса. Голова кружилась, Никита хватался за стены. Но пересиливал немощь, разминал скрученные мышцы, приводил в порядок голову. Дыхание восстановилось, он был уже не тем беспомощным растением, что очнулось двадцать минут назад. Немного передохнул, и снова в путь. Он должен отринуть внешние факторы, сконцентрироваться на самовнушении. Йога, аутотренинг – не пустые звуки, если человек хочет быстро восстановиться и занять свое место в жизни...

Вернулось зрение, он отметил, что в камере нет подсматривающих устройств. За дверью слышались шаркающие шаги, и когда к глазку припало недремлющее око, арестант уже лежал на кровати и бессмысленно таращился в потолок.

– Эй, подъем, блин! – проговорил кто-то, приоткрыв оконце в двери.

Он поднимался так, чтобы надзиратель ничего не заподозрил. Стонал от боли, хромал, хватался за стены. А тот терпеливо ждал, даже усмехнулся, когда у заключенного переплелись ноги, и он едва не треснулся носом о дверь.

– Кругом! – скомандовал надзиратель, и Никита принялся со скрипом поворачиваться.

– Руки сюда! – Ион, присев и выгнув спину, просунул сжатые конечности в оконце. Тюремщик не церемонился, схватил их за запястья и потащил к себе в коридор, не обращая внимания на стоны и протесты. На запястьях сомкнулись наручники.

– Четыре шага вперед! – И Никита на подгибающихся ногах, с вывернутыми за спиной руками, побрел к своей шконке.

– На месте! – заскрежетали острожные запоры, со скрипом отворилась дверь. – На выход, касатик! Да без глупостей!

Генерал Олейник сидел в комнате для допросов, за выдавшим виды массивным столом, и неприязненно разглядывал цветастые пугалки на сигаретной пачке. Двое дюжих контролеров

втокнули арестанта с поникшей головой – он висел между ними и почти не мог переставлять ноги.

– Разрешите, господин генерал-майор?

– Разрешаю...

Арестанта взгромоздили на прикрученный к полу табурет. Он обвис, словно под рваной не было ничего, качался, но пока не падал. Созерцал пространство между коленями. Избили его, конечно, с усердием. Не человек, а несчастье. Руки оставались скованными за спиной, отчего он казался каким-то вывернутым. «А побуду-ка я добрым полицейским», – подумал Григорий Алексеевич.

– Оставьте его здесь и можете идти, – распорядился он. – Ждите за дверью.

– Вы уверены, товарищ генерал-майор? – растерялся один из контролеров, на глазок оценивая расстояние от арестанта до стола (порядка трех метров). – А может быть, лучше...

– Ой, идите уж, – отмахнулся генерал. – Бойтесь, что я его побью?

– Простите, товарищ генерал-майор... – контролер стушевался, и оба покинули помещение.

Закрылась тяжелая огнеупорная дверь. Себя не уважать – бояться такого доходягу. Григорий Алексеевич расслабился. Слева под рукой кнопка для вызова охраны, справа – выдвинутый ящик с компактным «Браунингом». Царила тишина, генерал с растущим интересом разглядывал «мстителя» – он просто пожирал его глазами. В изможденном существе не было ничего угрожающего. В тюремную одежду его пока не переодели – весь рваный, в грязи, в кровоподтеках. Такое ощущение, что он клонился набок и в любую секунду мог упасть.

– Здоровье пошатнулось, Никита Владимирович? – пошутил генерал. – Куда-то клонится? Деформирована аура и заблокированы чакры? – блеснул он нехарактерными для мента словечками.

Арестант молчал. Голова его была опущена, взгляд отсутствовал. «Сидит и ждет, пока придет удача», – подумал генерал.

– Вид у вас, Никита Владимирович, не очень презентабельный, – посочувствовал Григорий Алексеевич. – Такое впечатление, что вы неудачно обошли фуру на встречной полосе, – он дружелюбно улыбнулся. – Нельзя так жить, уважаемый.

– Так и живем, Григорий Алексеевич... – еле вымолвил арестант, поднимая голову и отыскивая глазами сидящего за столом человека в штатском костюме. Олейник невольно потянулся к раскрытому ящику и устыдился своего порыва. Кого испугался? Но взгляд у арестанта был неприятный. Одутловатое лицо ничего не выражало, но глаза смотрели, не моргая, в самое нутро. Так, наверное, смотрит зомби – перед тем, как тебя съесть.

– Не сомневаюсь, что вам про меня известно, – вкрадчиво сказал Григорий Алексеевич. – Рискну предположить, что одна из ваших планируемых акций была направлена против вашего покорного слуги, так ведь?

– Безусловно, Григорий Алексеевич, – согласился Никита. – Без вашей личности наша презентация в Яроволье была бы половинчатой и неинтересной. Вы – худо без добра. Вас в Красную книгу занести надо, господин генерал, в раздел «Последняя сволочь». Скажите честно, Григорий Алексеевич, вы ведь частенько в свободные от служебных рвений минуты задаетесь мыслью: а что нам всем за это будет? Или считаете, что не судимы будете? – и губы арестованного задрожали, поползли в зловещую ухмылку.

– К хм... – выразительно кашлянул генерал. – Вы никогда не задумывались, Никита Владимирович, почему у шутников частенько отсутствуют передние зубы?

– Перестаньте, – пробормотал Никита. – Вам уже не интересно меня бить, что от меня осталось? К тому же вы сегодня – добрый полицейский...

Григорий Алексеевич нахмурился, чтобы не выдать мимолетную растерянность.

– Это первичный допрос? – поинтересовался Никита. – Не много ли чести для меня, Григорий Алексеевич – отвечать на вопросы самого главного областного полицейского? Кончились подручные? Или просто любопытно стало?

«А ведь он с трудом вживается в новую роль, – догадался генерал. – Привык обвинять, привык унижать и снимать свои злодеяния на камеру. Вот и проскакивает». Он засмеялся со всей мобилизованной непринужденностью.

– Ладно, Никита Владимирович, не будем обмениваться взаимными колкостями. Все, что вы скажете в этой комнате, никоим образом не будет использовано против меня. Давайте умерим свои амбиции и свою компетентность. Уверен, вам есть что сказать в мой адрес, но зачем? Мы же не на публике, и вгонять меня в краску бессмысленно. А почему с вами беседует один из несостоявшихся клиентов – вы уж сами догадайтесь, это несложно. Это не допрос, Никита Владимирович, где вы видите бланк допроса? Нам допросы не нужны. С вами все понятно. Нет, разумеется, с вашим делом разберутся, как следует, и накажут кого попало, – генерал усмехнулся, – но что-то нам подсказывает, что обойдутся без вас. Хотите полюбопытствовать? – генерал потянулся к портфелю, стоящему сбоку от стола, извлек из него планшет с логотипом надкусанного яблока и начал что-то щелкать. – Вот, смотрите, – он развернул экран к арестанту. Качество видеоклипа было неважным, но картинка шла. Оператор снимал перепуганного жалкого человечка – тот лежал на полу и умирал от страха. – Узнаете свое творчество? Мне очень жаль, Никита Владимирович, что это замечательное видео вы не смогли выложить в сеть и вряд ли сможете, но постарались вы на славу, снимаю шляпу. Министр под впечатлением.

– Как он там? – криво усмехнулся Никита.

– Долго слезы лил, качая головой, – хохотнул Григорий Алексеевич. – Вы правы, это жалкая, ничтожная личность. Как говорится, мерзкий сукин сын, но это наш сукин сын. Будем считать, что господин министр отделался бабьим испугом. Не волнуйтесь, обработанный вами чиновник будет продолжать работу после того, как выпишется из больницы, а эту запись, если не возражаете, я возьму себе на память, дабы Анатолию Феокистовичу лучше работалось.

– Послушайте, генерал, от меня-то вы что хотите? – прохрипел, сглотнув слюну, арестант. – Поболтать пригласили? Знаете, у меня отсутствует желание с вами болтать – во всяком случае в нынешних обстоятельствах.

– А других обстоятельств не будет, Никита Владимирович, – резко перебил Олейник. – Понимаю, что вы рады поменяться со мной местами и чтобы я был связан, а в руках у вас, помимо пистолета, была видеокамера. А еще подруга под боком. Ваша девушка погибла, Никита Владимирович, ее не вернуть, и в этом виноваты только вы. Не буду отягощать ваше состояние сообщением о том, что мы нашли тело. Тело не нашли – ищут. Уверен, что найдут. Вы сами-то верите, что она жива? Погуляли, и хватит, уважаемый «мститель».

– Что вы хотите? – с усилием повторил Никита. Плечи заключенного поникли, глаза, немного оживившиеся, снова потускнели. – Вы же не держите меня за полного идиота, генерал? Вы не станете афишировать, кого вам удалось отловить этой судьбоносной ночью. С одной стороны, почет и слава, а с другой – любопытно, почему эта шайка прибыла именно сюда? Что она хотела этим сказать? Большие боссы дело уладят, но как насчет широкой общественности – этого вечного раздражителя? Полагаете, я тешу себя надеждой на суд, пусть даже закрытый? Как долго меня продержат в камере? Думаю, недолго...

– Да, вы рассуждаете логично, – согласился генерал. – Но признайтесь, закончить свои дни можно по-разному. Люди не любят, когда их пытаются по двадцать часов в сутки. Имеются методики, вы должны знать. «Испытуемое лицо» претерпевает адские муки, но никак не может умереть. Молит Господа, чтобы эта пытка, наконец, закончилась, просит о смерти, но все впустую. Он живой, он на грани, но никак не может через нее перешагнуть, и этим страданиям

нет конца... – генерал сделал трагическую паузу, склонил голову. А визави, похоже, потянуло в сон.

– Хотите-то вы чего, генерал? – устало спросил Никита.

– Назовите своих сообщников в этом городе.

– Ба... – арестованный очнулся и сделал удивленную гримасу. – Вы же их арестовали, нет?

– Боюсь, что не всех.

– А кого взяли? – поинтересовался Никита.

– Какой вы хитренький, Никита Владимирович, – шутливо погрозил пальцем Григорий Алексеевич. – Так я вам и сказал.

– Да скажите уж, что вы теряете?

«А что я действительно теряю?» – подумал Олейник. Он улыбнулся заговорщицкой улыбкой и неторопливо, растягивая удовольствие, принялся перечислять прибранных по наводке предателя соучастников: Рыжова Наталья Геннадьевна – ведущий специалист, заместитель директора областного архива; Шевелис Юрий Германович – ответственный редактор загибающейся вечерней газеты; Пустовойтов Аркадий Семенович – спроваженный на пенсию в прошлом месяце секретарь Яровольского областного суда, и еще трое.

Он перечислил имена и замолчал.

– Но это все, – пробормотал Никита – его опухшее лицо потемнело, заблестело что-то в мутных глазах. – С другими мы не контактировали...

– Вы загубили жизнь этим людям, – вкрадчиво сказал генерал. – Впрочем, люди знали, на что шли, никто не гнал их в ваши соумышленники. Вижу по глазам, Никита Владимирович, что список не полный. Поэтому вы и здесь. Придется признаться, если не хотите полную занятость по двадцать часов в сутки.

– Кто из этих людей нас предал?

– Карпухин, – подумав, сообщил «секретную» информацию генерал. – Егор Николаевич Карпухин, заведующий кафедрой повышения квалификации государственных служащих.

Никита угрюмо молчал, исподлобья смотрел в генеральские глаза. Начальник ГУВД не врал – не был он таким уж гениальным лицедеем.

– Этот человек поступил, в принципе, разумно, – продолжал разглагольствовать Григорий Алексеевич. – На какое-то время он, безусловно, сядет...

– Сядет? – хрипло засмеялся узник. – На какое-то время? Ляжет, господин генерал, ляжет. Причем достаточно надолго.

– Это неважно, – отмахнулся начальник ГУВД. – В любом случае его участь не будет столь плачевной, как участь остальных. Ничего, что я с вами так откровенно, Никита Владимирович? Сообщите, пожалуйста, имя человека или людей, до которых у нас не дотянулись руки. Не вынуждайте вспоминать об институте телесных наказаний и о прочих действиях, сопряженных с причинением вреда.

Никита задумался. Личность, до которой не дотянулись руки закона, не имела большой значимости. Навредить самостоятельно преступной городской верхушке она не могла. Останься Григорий Алексеевич в досадном неведении – и ничего ужасного с его дальнейшей карьерой не произошло бы.

– Курилов Иван Васильевич, – такое ощущение, что у заключенного распрямились плечи, он глубоко вздохнул, прочищая легкие. – Заместитель начальника отдела печати и коммуникаций Октябрьской районной администрации.

– Адрес? – машинально возбудился Григорий Алексеевич, хватаясь за ручку.

– Демьяна Бедного, сорок четыре...

– Ну, что ж, Никита Владимирович, возможно, вы не совсем безнадежны... – Генеральская ручка закрипела по вырванному из блокнота листку. И внезапно споткнулась, кровь уда-

рила в голову. Генерал вскинул голову. Заключенный смотрел на него с усмешкой, с любопытством, немного с презрением. – Не пойдет, Никита Владимирович. – Олейник бросил ручку и откинулся на спинку стула. Он чувствовал, как краснеют мочки ушей. – Ответ не верен, улица Демьяна Бедного – это десяток многоэтажек параллельно Вавиловской трассе. Там даже частный сектор отсутствует.

– Ну, не сложилось, – пожал плечами Никита и издевательски засмеялся. – Повезет в другой раз, Григорий Алексеевич. А может все-таки поищите этого мужественного, хотя и вымышленного персонажа? Кстати, должен сообщить, господин генерал, что роль доброго полицейского – не ваша. Не к лицу она вам.

– Ну, хватит! – разозленный генерал шарахнул кулаком по столу, возвращаясь в привычное амплуа. – Охрана!

Двое конвоиров, отталкивая друг друга, вломились в помещение и, обнаружив, что каждый из присутствующих пребывает на положенном месте, застыли в ожидании.

– В карцер второго уровня! – рявкнул побагровевший Олейник. – И посмотрим, что он запоет через пару часов!

Двое кинулись выполнять приказ и через мгновение нависли сзади над Никитой со свирепыми мордами. Но не успели сдернуть его с табурета, как арестант встрепенулся:

– Ладно, Григорий Алексеевич, прекращайте, ваша взяла! Что угодно, только не карцер! Я все скажу...

Двое застыли с хищно разведенными конечностями, вопрошающе вылупились на хозяйина. Григорий Алексеевич осклабил улыбочкой прожженного иезуита. Раз уж заключенный так много знает про него, то обязан представлять, что такое карцер второго уровня в центральном СИЗО.

– Попытка номер два, Никита Владимирович? – ласково сказал он. – Ну, давайте, послушаем. Излагайте свою новую версию, – он сделал охранникам многозначительный знак. Те застыли сзади по бокам, собственно, именно этого добивался Никита.

– Пишите, Григорий Алексеевич... – пробормотал он убитым голосом и опустил голову. – Этого человека действительно зовут Курилов Иван Васильевич, но трудится он не в Октябрьской администрации и адрес...

И тут словно молния ворвалась в помещение! Арестант быстрее выстрела соскочил с табурета (как долго он готовился к этому броску, просчитывая варианты!), бросился вперед, одновременно опускаясь на колени, толчок плечами и грудной клеткой – и массивный стол перевернулся, повалил остолбеневшего генерала вместе со стулом. Тяжелая столешница торцевой частью ударила по груди, пригвоздив к полу. Генерал ударился затылком, потерял ориентацию в пространстве и времени. Оторопевшие конвоиры не сразу выбрались из ступора. Заключенный, стиснув зубы, уже взлетал с колен, мчался обратно. Один из контролеров успел схватиться за кобуру, второй попятился. Никита запрыгнул с ногами на табурет (странные люди занимались «интерьером» помещения – табурет прикрутили к полу, а стол не стали), выбросил в сторону правую пятку – и контролер, запутавшийся в застежке кобуры, с отбитой грудиной и слезящимися глазами полетел, как снаряд, треснулся хребтом о стену в шаге от входной двери. На второго Никита просто рухнул – не было времени выдумывать что-то интересное. Оба повалились, контролер получил коленом в промежность – и вопль, идущий от души, сдулся в воробьиное чириканье. Никиту потрянуло душевно, так и зубы можно на полку. Он откатился, выдалась минутка, передохнул, снова рывок, принял позу человека, справляющего под кустом большую нужду. Он пару раз переступил – и руки, скованные за спиной, оказались впереди, что, с одной стороны, приятно, а с другой – недостаточно. Подпрыгнул, окинув взглядом поле брани. Генерал Олейник лежал, придавленный массой стола, и вроде бы не рыпался. Ударился затылком, из носа вытекала кровь. Конвоир с поруганным достоинством пребывал в прострации – боль была адская, физиономия искорежена, как машина

после аварии. Он даже хрипеть не мог, только рот раскрывал. Второй, отброшенный к стене, уже приподнимался. И вновь настырно тянулся к кобуре. Никита подлетел – рычаг на кисть и локоть, выкрутил так, что рука превратилась в штопор. Дал коленом под скулу – поникла головушка, потекло по губам и подбородку. Прыжком он вернулся к первому, а тот уже норovil что-то предпринять, даже вспомнил, что он вооружен. Вставал, шатаясь, как метроном, по физиономии текло ассорти из пота, слез, слюней, соплей. Наручники были досадной помехой, но Никита выкрутился. Он скручивал макушку конвоиру, двигаясь вместе с ним вниз, по спирали, тот пыхтел, сопротивлялся. А когда у обоих не осталось сил, Никита снова секундоочку передохнул, двинул локтем по виску и выставил лодыжку, чтобы парень стучал башкой не очень громко...

Не спуская глаз с неподвижного генерала, он извлек из брючного кармана второго «пострадавшего» ключи от наручников (запомнил, куда тот их сунул), освободил руки. Оба молодчика были не опасны. Он извлек пистолет из кобуры, прислушался. Пока спокойно, никто не топал, чтобы ворваться в помещение и восстановить законность и порядок. Возможно, слышали шум, да и ладно – допрос идет, обрабатывают с пристрастием особо опасного преступника. Он бросился ко второму контролеру, и его избавил от оружия, метнулся на цыпочках к генералу, которого продолжала угнетать массивная столешница. Глаза у Григория Алексеевича были закрыты, нижняя часть лица забрызгана кровью из носовых отверстий. Никита потянулся к ящику стола, вытащил «Браунинг», о наличии которого давно догадывался по выразительным подергиваниям генерала. С оружием выходил переизбыток. Он дико устал, болело абсолютно все, что могло болеть в человеческом теле. Раздевание охранника, похожего по габаритам, вылилось в пронзительную пытку. Он стаскивал с себя рванину с пятнами крови, переоблачался, стонал от боли. Пусть в форме, пусть с оружием, он не сможет вырваться на свободу – он уже исчерпан, готов свалиться от любого дуновения ветерка. В этом здании туча людей с табельным оружием. Но он обязан попытаться, черт возьми! Это лучше, чем обрести пулю в затылок в холодном подвале. Он натянул на себя воняющую потом форму, надвинул на глаза фуражку, растолкал пистолеты по карманам. Снова взгляд уперся в генеральское тело под столешницей. «Почему бы не взять генерала в заложники?» – мелькнула здравая мысль. Пробиться к выходу вместе с ним – никто же не станет стрелять в начальника всей областной полиции. Остатки сил ушли на то, чтобы сдвинуть окаянный стол. Он кашлял, стоя на корточках, его рвало и выворачивало. Никита схватил Григория Алексеевича за шиворот, куда-то поволок, хрипел:

– Ну, давайте же, генерал, открывайте свои бесстыжие глаза, нечего тут мертвым прикидываться...

Но тот не шевелился, и попробуй определи, то ли и впрямь без сознания, то ли косит тут под потерпевшего. Он хлестал его по щекам, растрачивая себя непонятно на что, злился, плевался, но тот не реагировал. Он попытался его приподнять – бесполезно, сил не осталось. Дьявол! Возишься тут с ним, как с ребенком! Злость распирала Никиту, он отвесил Олейнику звонкую затрещину, отпустил, и тот опять растянулся, проблеяв что-то невразумительное. Хватит, он не мог терять драгоценное время. Пошатываясь, Никита принял горизонталь, оправил форму, призвал на выручку все, что оставалось в организме...

Спустя минуту странный человек в грязно-зеленой форме вышел из комнаты для допросов, расположенной в глубине сумрачного коридора. Он держался прямо – это стоило усилий. Передвигался уверенно – фактически на «автопилоте». Прошел в конец обшарпанного коридора, постоял, держась за стену. Расправил плечи, отправился дальше. Он находился в подвале помпезного мрачного здания с трагической историей и сомнительным настоящим. Вдалеке раздавались голоса. Но за первой решеткой мялся лишь один сутулый контролер. Услышав шаги, он повернул голову, смерил глазами приближающуюся фигуру «собрата». Освещение в

этой части здания оставляло желать лучшего. Он немного удивился, обнаружив, что «собрат» всего один, и вид у него какой-то печальный.

– Открывай, – глухо проворчал Никита.

– А где Гаврилов? – сглотнул контролер.

– Работают с генералом, там работы непочатый край... – Не затягивая прелюдию, он достал из кармана пистолет, просунул его сквозь прутья решетки, чтобы контролер убедился, что это не игрушка, проворчал:

– Открывай, парень, ей-богу, пальну, мне все по барабану...

Тюремный работник сделался бледным и покрылся пятнами. Машинально попятился, но тут узрел, что в лоб ему смотрит уже не один, а сразу два пистолета.

– Открывай, – угрюмо повторил Никита. – Не жди, пока в глазах троиться начнет. Не время геройствовать, парень. На том свете ничего не будет, если ты не мусульманин, конечно...

«Да и в мусульманском раю кончаются, по слухам, девственницы, – подумал Никита. – Их просто не успевают завозить, где набрать такое количество?»

У охранника дрожали руки, он не мог попасть ключом в замочную скважину. Насилу справился, Никита протиснулся через «первый уровень», не опуская стволов.

– Лицом к стене, – приказал он.

– Послушай, друг, может, не надо... – взмолился контролер, но послушно прильнул к стене, когда Никита напряг указательный палец. Взметнулась рукоятка, треснула по черепу, и счастливый обладатель сотрясения мозга и продолжительного обморока сполз по стенке.

Никита ускорялся, задыхался от волнения. Не так уж сложно, главное выбраться из подвала, а там лишь сделать лицо кирпичом. Но покорился только «первый уровень». Он свернул за поворот, прошагал мимо контролера в нише (представилось, как тот снимает трубку и удивленно так – мол, Штирлиц идет по коридору), мимо нескольких дверей, одна из которых была приоткрыта. А навстречу за изгибом коридора уже топали вооруженные люди. Они что-то кричали, разносился громовой глас:

– Быстрее, быстрее, он где-то здесь!!!

Россохин чуть не заревел от отчаяния и не начал биться головой об стену. Непростительная ошибка! Нужно было хорошенько взбучить генерала. Прикинулся бесчувственным, гаде-ныш, а финальная затрещина, отвешенная Никитой, этому крепышу, что слону дробина! Хитрое ли дело, воспользоваться сотовым, сообщить дежурному по СИЗО, что «Штирлиц идет-таки по коридору»! Он по инерции проскочил за поворот, а навстречу уже неслись штатные работники изолятора, и не просто так, а с автоматами!

– А ну, стоять! – проорал кто-то.

– Это он, мужики!!! – истошно завопил другой.

Никита начал палить с обеих рук. В потолок, по стенам, в пол. Он еще не окончательно свихнулся, чтобы стрелять по людям, выполняющим свою работу. Но был уже близок к этому. Это был, разумеется, не ОМОН, хоть как-то, но обученный. Кто-то споткнулся, об него запнулся следующий, на того налетел третий, и вот уже клубок копошащихся тел перегородил проход. «А вдруг получится? – с надеждой подумал Никита, бросаясь с высокого старта. – Перемахнуть через кучу – и ходу!» Но в группе перепуганных работников нашелся кто-то мыслящий, вскинул автомат, застрочил поперек коллег и вопил при этом, как свинья на бойне. Пули рассыпались веером, крошили штукатурку, били лампы на потолке. А Никита, расстрелявший обе обоймы, уже выделывал кренделя, чтобы не зацепило. Метался от стены к стене, рухнул, перекувыркнулся в обратном направлении, неуклюже ввалился за угол. «Браунинг» генерала Олейника из кармана перекочевал в руку. За углом царило испуганное оживление, пристыженные контролеры перестраивали ряды. Никита высунул «Браунинг» за угол, произвел несколько выстрелов по диагонали вверх. И снова гвалт и гомон, вояки падали, лупили куда попало, отбитые пластиы штукатурки летели во все стороны. Шевельнулось что-то сзади,

парень в нише робко прячет тело. Остатки обоймы Никита выпустил в упомянутом направлении, стараясь не попасть в человека – и тело убралось, заругалось...

«Отвоевался», – печально подумал Никита, поднимаясь на негнущихся ногах. Он доковылял до двери, оставшейся приоткрытой, ввалился в сумрачное помещение с оконцем под потолком, в которое не протиснулась бы даже кошка, прикрыл за собой дверь. На него со страхом смотрели двое. «Комната для встреч арестантов с адвокатом», – на глазок прикинул Никита и вроде не ошибся. Эти двое слышали пальбу, приросли к своим стульям. Миловидная женщина немного за сорок в стильном деловом костюме, грузный господин в тренировочных портках, украшенный видным фиолетовым бланшем.

– Ну, ни хрена себе порядочки... – икнув, пробормотал арестант, выставляясь на пистолет в руке «контролера». – Эй, братан, ты чё, охренел?

– Не надо, не стреляйте, пожалуйста... – женщина умоляюще прижала руки к груди, сползла со стула, попятилась к стене.

Никита усмехнулся – последнее дело брать людей в заложники. Да и не поможет, погубит и себя, и их. Он глубоко вздохнул, сбросил с головы фуражку и, чувствуя невыразимую усталость, поволокся к дальней стене. Прислонился к ней, откинул голову.

– Не бойтесь, граждане, все в порядке... – улыбнулся он. – Там восстали лежачие полицейские, это бывает. Предпремьерный показ конца света, так сказать.

– Послушайте, я вас, кажется, знаю... – спотыкаясь, делая круглые глаза, пробормотала миловидная женщина. – Нет, действительно, вы же тот самый...

– Тот самый, мэм, – подтвердил Никита. – Если в вас сохранилась порядочность, ивы еще дружите с совестью, сообщите, пожалуйста, людям, что властями Яроволья обезврежена и ликвидирована группа «мстителей», прибывшая в город с целью наведения порядка в эшелонах власти. А то сами они скромные, ни за что не признаются.

За дверью уже скапливался неприятель, перекликались люди.

– Падайте на пол! – прохрипел Никита, поднимая руки.

– Ну, вы, блин, даете... – посетовал мужик с фингалом, увлекая за собой женщину. Молодец, прикрыл ее собой...

– Не стреляйте!!! – прокричал Никита. – Здесь посторонние! Я сдаюсь, у меня кончились патроны!

– Не стреляйте! – хором закричали мужчина с женщиной. А женщина добавила: – Он не будет сопротивляться!

Но перепуганных работников СИЗО не так-то просто было провести. Первый ворвался с безумным индейским воплем, рассыпал очередь в потолок, по стенам – и только чудом ни в кого не попал! Застыл, ошарашенный, тряся стволом. Полезли остальные – взмыленные, стали растекаться по комнате. Никита с печальной ухмылкой стоял у стены, руки были подняты, «Браунинг» валялся на полу.

– Ах ты, сука... – подскочил самый нервный, ногой отбросил пистолет, замахнулся.

Никита отклонился, и кулак разбился о стену. Подставился служивый – просто загляденье. Не ударить невозможно. Никита уступил соблазну (видимо, последнему) – вогнал от всей души кулак в диафрагму. Контролер сложился вчетверо, рухнул на колени. И тут на Никиту с гневным ревом навалилась толпа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.